

фантастическая
МЕТОРИЯ

Виктор Сиголаев

Фатальное колесо

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Фатальное колесо

Виктор Сиголаев
Фатальное колесо

«АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Сиголаев В. А.

Фатальное колесо / В. А. Сиголаев — «АЛЬФА-КНИГА»,
— (Фатальное колесо)

ISBN 978-5-9922-2297-5

Что может произойти, если взрослое сознание окажется в детском теле? Причем тело-то свое собственное. Вот только «пробег» у него – всего семь лет. Тогда как мозгам – без малого полвека. И два высших образования, и нелегкая военная служба за плечами. И опыт, который ребенку не снился в самом страшном сне. А тебя в очередной раз за шалости норовят поставить в угол. И гулять отпускают в лучшем случае до восьми часов. И школа – кузница создателей развитого социализма, где ты сам запросто смог бы преподавать. И советские милиционеры, которые на поверку далеки до идеала дяди Степы. А на улицах – шпана, даже не подозревающая о высокой морали кодекса строителя коммунизма. И не только шпана, есть акулы и пострашнее! Есть два пути для такого «своеобразного» ребенка, два варианта выбора линии поведения. Первый – переписать всю жизнь заново, с черновика на чистовик, без ошибок и недоразумений, без горести и печалей. Или второй – по принципу «да гори оно синим пламенем». Где эта шпана и прочие «страшные акулы»? Поборемся! В конце концов, «я сюда не напрашивался»! Герой выбрал второй вариант. Скучать не пришлось...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2297-5

© Сиголаев В. А.

© АЛЬФА-КНИГА

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	33
Глава 9	35
Глава 10	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Виктор Сиголаев

Фатальное колесо

Глава 1

Дежавю

Я помню это колесико...

Еще бы мне его не помнить! Я тогда единственный раз в своей жизни попал под машину. Ну как попал... Летел из школы домой, мечтая о чем-то о своем, о детском. Выскочил на проезжую часть, а вящее правило «посмотреть налево, посмотреть направо» отрабатал только наполовину. Потому как пересекал дорогу наискосок, и «направо» выходило практически «направо и назад». Алгоритм дал сбой, ну я и не стал заморачиваться. А опасность была именно там, справа и сзади. Желтый «москвич» – грузовичок, отчаянно скрипя тормозами, пошел юзом и на излете пихнул боком перепуганного клопа-первоклашку, который от неожиданности врос в асфальт. Замер парализованным кроликом.

Помню, как после приземления я даже сознание на секунду потерял. Не от боли – от ужаса, надо полагать. Сдрейфил так, что на всю оставшуюся жизнь в память врезалось вот это самое колесо перед глазами. Серое от пыли и с потеками битума на резине, оставшегося после езды по раскаленному асфальту.

Тогда, в далеком своем детстве, услышав щелчок открываемой дверцы со стороны водителя, я, искренне считая себя чуть ли не международным преступником, просто вскочил и задал стрекача. Причем в противоположную от своего собственного дома сторону. Путал следы, так сказать. Потом часа три сидел в кустах за школой, изобретая для матери причину разорванной на коленке штанины...

И вот снова перед глазами то же самое КОЛЕСО! Как и сорок лет назад. Я тупо разглядывал стертые протекторы. Дежавю, да и только. Накрыло так накрыло. Интересно, а почему это колесо так огромно? Такое ощущение, будто «москвич» размером с автобус. В прошлый раз такая мысль почему-то мне в голову не приходила.

Прямо над ухом знакомо щелкнула открывающаяся дверца автомобиля. Ну да. Как-то так оно и было...

– Господи! Мальчик! Где болит? – Водителем оказалась женщина лет тридцати в темно-зеленой спецовке.

Кто это тут, интересно, «мальчик»?

Я с трудом оторвался от изучения покрышки, переменял позу с лежачей на сидячую и посмотрел вверх. Ого! Девушка-великан. Симпатичная, к слову, и довольно молодая. Можно сказать, просто юная для моих сорока девяти честно прожитых лет. Короткие светлые волосы растрепаны. Глаза – на пол-лица. Серые. Перепуганные. Присела передо мной. И тут же меня начали терзать неожиданно сильные руки.

Вот это неслабо! Силища-то!

– Ты чего молчишь? Что с ногой? Ты что, паршивец, по дороге носишься? – Третий вопрос на четыре тона выше.

«Чего молчишь», «нога», «паршивец»...

Откуда начинать отвечать?

– Не надо истерик, женщина, – бурчу я и начинаю разглядывать то, о чем вопрос номер два: свою собственную ногу.

Эту дырку на штанах я тоже помню. Маме спасибо, не дала забыть. А вот худую, коричневую от солнечного загара детскую коленку – хоть убей.

– Давай быстро в машину. – Женщина легко, как перышко, ставит меня на ноги и бежит открывать дверь.

С большим опозданием у меня срабатывает рефлекторная память, и я стартую по направлению к школьному двору. В обратную, надо сказать, сторону от дома. По отработанной методике.

Сзади что-то кричит красавица-водитель. Мелькают редкие, но какие-то огромные прохожие. Слева краем глаза замечаю двух школьниц в доисторических черных передниках. На вид – козьяки, но они моего роста! Да что это такое происходит?!

По спине бухает ранец, и гремят карандаши в пенале. Откуда я знаю про карандаши? И про эту дырку в заборе? Какие высоченные кусты! А в их зарослях – лаз, будто пещера.

Я юркнул в безопасный полумрак и плюхнулся прямо на сухую траву, переводя дух...

Итак, соберем мысли в кучу.

Мне сколько лет? Сорок девять. Правильно? Правильно!

Я – взрослый человек, офицер запаса, подполковник. На гражданке – учитель истории. Женат, у меня есть взрослые сын и дочь. Есть даже внучка. Маленькая прелесть пяти лет.

И я же – почему-то сижу в кустах за школой, в которой учился сорок два года назад. И разглядываю поцарапанную детскую коленку, которая тоже моя! У меня не должно быть ДЕТСКОЙ коленки!

Бред.

Я зажмурился и потряс головой. Сон? Может быть, я в коме?

Приоткрыл один глаз. Мимо моего схрона лениво вышагивает толстенный серый котяра. Огромный зверюга! Хвостище словно драная мочалка. И толщиной, наверное, с бревно. Справа затыкали, и кот серой молнией брызнул в сторону...

Так. Что это я на животных засмотрелся? Отвлекаюсь. Кстати, как легко отвлекаюсь! Как будто рубильник в голове щелкнул. Детское легкомыслие.

Детское?

Я прислушался к своим ощущениям. Чертовски приятные, скажем, были ощущения. Печень не ныла. В затылке – непривычная легкость. Кругом – острый пряный запах сентябрьского приморского города. Необычно сильный запах, до головокружения. И зрение...

Зрение! Я быстро ощупал лицо. Очков не было!

Так-так-так. Что получается? Коленка... школьницы-переростки... «мальчик, где болит»...

Мальчик?!!

Я что, ребенок? Тот самый «клоп», которого мать отшлепала мокрой тряпкой за испорченную школьную форму? Воспоминания были так живы, что под ложечкой отчетливо засосало. И в голове заметалось что-то похожее на панику. Может, сказать, что котенок с дерева доставал? Или лучше – того самого драного кота, который удирал от собаки и якобы застрял на акации. Ведь мама сама учила помогать животным. А может быть, соврать про то, как...

Так, стоп! Какие коты, к чертям? Что за шизофрения? Мысль прыгает от подполковника до первоклассника. Чуть расслабишься – дите дитем.

А ну, собрался! Что получается?

А получается, прямо скажем, любопытная картинка. По всему выходит, что я сейчас в теле ребенка. Причем в теле самого себя, когда мне было всего семь лет. Такой вот бред наяву! И других вариантов пока не просматривается.

А как это, собственно, могло произойти? Я задумался.

Не помню...

То, что было со мной перед явлением фатального колеса, вообще не приходило на память! Вот не помню ничего, и все тут! Разве что штрихами какими-то. Смутно. Только общие впечатления – словно анкетные данные: родился, учился, служил, работал. И, кстати, родился, учился – как-то лучше помню. Рельефнее, чем все остальное. А вот служил и работал – где-то далеко в прошлом. Еще не скоро. Словно вектор последовательности моей жизни развернулся в противоположную сторону.

Вот это да! И что делать?

На четвереньках я выбрался на залитый солнцем пустырь. Спohватившись, стал яростно отряхивать школьную форму. Ну и видок! Начинаю теперь понимать, почему дома через день мне устраивали выволочку в то время...

Или... в это время...

ТЬфу! Запутался окончательно. Короче, понятно одно – со мной случилось что-то необъяснимо фантастическое и невообразимо сверхъестественное: Я СНОВА СТАЛ РЕБЕНКОМ. Семилетним первоклассником. И это надо принять как данность. Как отправную точку. Как единственную опору в бушующем вихре взбесившейся реальности.

Ну что ж, как говорил когда-то мой ротный в училище, знаменитый среди курсантов своей феноменальной непрошибаемостью: «Положим, товарищи, разум на обстоятельства».

А что еще остается?

Ну, давай попробуем...

Я чувствовал, что меня переполняет ощущение безграничного, беспричинного и безнаказанного счастья.

Взрослая составляющая тщетно пыталась найти причину сего неопишeмого явления, а ребенок улыбался и шел домой, приветливо светя прохожим драной штаниной. Порой хмурым облачком налетало осознание предстоящего возмездия, но солнце радости исчезало среди туч ненадолго.

Каждая секунда была наполнена великими событиями. Пыхтя сизым дымом, прошлепал мусоровоз размером со слона. На одной из беседок виноградная лоза провисла так, что можно было, подпрыгнув, достать пару ягод с огромной налитой грозди. Ягоды в прыжке были раздавлены, сок брызнул на куртку. Обычное дело. Семь бед – один ответ.

В нашем дворе в огромной луже сидели два карапуза и что-то лепили из грязи.

«Глину из балки притащили», – компетентно подумал я.

А взрослый «я» с ужасом вспомнил, как прошлым летом сам таскал из старого оврага глину и в этой же самой луже пытался вылепить чашку для мамы.

Мама тогда не оценила...

Вообще-то я отлично понимал, что вся эта радость – суть детских биохимических процессов в организме. Но, черт побери, как это было здорово! Как легко и беззаботно...

Вот и мой подъезд.

Ну что ж, продолжаем исследовать все изюминки этого волшебного мира под названием «детство». Что-то мне подсказывает, что в этом компоте... не все ягодки бывают исключительно розового цвета.

– Это что такое?! – Мама молодая и красивая.

Щеки разругались – только что мыла пол в квартире. На кухне пахнет чем-то невообразимо вкусным. Там виден уголок стола, на столе – арбуз!

– Нет, ты посмотри на него! Ты чего улыбаешься? Это что такое, я тебя спрашиваю?! – У мамы от возмущения аж задрожала кудряшка над ухом.

Кстати, половая тряпка у нее еще пока в руках...

– Под машину попал. – Я деловито стряхнул с себя ранец и, не расстегивая, носком за задник скovyрнул туфли, запоздало вспомнив, что матери так не нравится. – Не волнуйся, без травм и увечий. Отделался легким испугом.

– Чем?.. Без чего? – Чувствовалось, что у матери много вопросов, но она не успевает расставить приоритеты. – Ты под машину попал?!

Ага, расставила. Тряпка уже в ведре – значит, острая фаза диалога позади. А в прошлый раз огреб именно этой тряпкой. Тогда мне досталось за три часа несанкционированного отсутствия и за рваную форму, которую мне якобы «злые мальчишки порвали специально – за то, что я лучше них читаю в школе».

Бледненькая была версия, если честно. Лучше бы про кота завернул...

Но мама! Как же все-таки хорошо я ее помню!

– Мам, не волнуйся ты так. Не совсем попал. Машина тормозила, а я не видел. Толкнула просто, и я упал на коленку. Вот штаны порвал...

Мать уже на коленях передо мной и ощупывает всего с ног до головы.

– Здесь болит? А здесь? Не тошнит? Голова не кружится? – Мама у меня медсестра, работает в детском садике как раз за той балкой, где мелкота глину ковыряет для лужи.

– Не болит... И здесь тоже... Мам, у нас есть что покушать? Вот! Видишь – было бы сотрясение, есть не хотелось бы, – тщетная попытка сбить маму с намеченного курса.

– Ты откуда зна... Я тебе сколько раз говорила осторожно переходить дорогу? Тысячу раз. Ты-ся-чу раз!!! – Мамин испуг плавно перерастал в ярость.

Сейчас нужно просто отпустить ситуацию, внимательно ее выслушать, лучше со скорбным выражением лица, пару раз кивнуть и дожидаться вердикта. Он известен заранее – «гулять не пойдешь».

Из комнаты на интересное представление подтягивалась почтенная публика – младший братишка. Он осторожно выглядывал в прихожую. На пухлой мордашке – довольное выражение: брательник огребает!

У нас с ним неровные отношения, связанные с социальным статусом в семье. Я – старше, сильнее, умнее, да еще к тому же школьник. А он в четыре года уже вычислил, что все мои преимущества легко сводятся к нулю, стоит ему громко зареветь и указать пальчиком в мою сторону. Верховный суд в лице родителей, как правило, опускает следственные изыскания и сразу переходит к исполнению приговора. Стоит ли говорить, кто преступник?

– ...А ты ворон считаешь! Тебя что, в школу как маленького за ручку водить? Или, может быть, сосочку дать? Сейчас у Васьки отберу и дам!

Мать считала себя сильным педагогом, потому что с отличием окончила медицинское училище. И потому что работала в детском саду. С личным составом, блин. Она предпочитала оригинальные наказания. Креативные, я бы сказал.

Услышав про соску, главный и единственный зритель моментально испарился. Метнулся перепрыгивать свое сокровище, которое ему категорически запрещено использовать по назначению. Но запретный плод так сладок!

Между тем градус морализирования постепенно нарастал. Я покосился на тряпку в ведре. Пожалуй, есть смысл менять прошлое к лучшему. Первые шаги прогрессорства, так сказать... в корыстных целях...

– Знаешь, что странно, мама, – специально произнес это медленно, намеренно попав в тот момент, когда мать сделала паузу перед очередной эскалацией нравоучений, – когда я лежал на проезжей части (чуть не ляпнул «в луже крови»), лежал испуганный и оглушенный, мне на какую-то секунду показалось, что я английский музыкант. Представляешь? Стою я такой на огромной сцене в свете прожекторов. Вокруг – тьма народу. Все беснуются, визжат. А я тихо перебираю струны на гитаре и пою песню. Потом очнулся – я опять на асфальте. Но слова этой песни запомнил. Вот они.

Торжественно вскинув голову (а-ля Фредди Меркьюри) и руками изображая игру на виртуальной гитаре, я с выражением стал декламировать «нетленку» из «Битлз», которую когда-то в подростковом возрасте снимал на слух с потрепанного кассетника, впитывая слова и фразы через скрип пленки и шорох двадцатикратной перезаписи:

– When I find... myself... in times...¹ – и так далее, с выразительными паузами и рязанским, разумеется, акцентом, особо смакуя раскатистую букву «р», которая, наверное, в клочья разорвала бы любое англосаксонское ухо.

А вот ухо, появившееся в дверном проеме, было надежного отечественного производства. И принадлежало оно моему брату, напрочь сбитому с толку иноземными словами, возмущающими привычный покой родной и благополучной до недавнего времени квартиры...

Я же начинал входить во вкус, слегка подтягивая в нужных местах и даже обозначая голосом зародыши вибрато – все-таки песня, а не просто банальное стихотворение.

Брат высунулся из комнаты полностью. Он уже не улыбался, потому что мешал раскрытый рот. В левой руке он держал запрещенную соску.

Я взмахнул рукой, ударив по струнам воображаемого инструмента, и остановился: хотелось понаблюдать за дальнейшей реакцией публики.

Реакции не было.

Была немая сцена...

Мать научила меня бегло читать в пять лет.

Окрыленная успехом, в семь лет она стала учить меня английскому языку, но этот путь был не так густо усыпан розами, как прежний. Добившись от меня усвоения разницы между *pen* и *pencil*², мать махнула рукой и переключилась на Василия. Там пока успехи были далеки от радужных, однако надежда, как известно, умирает последней.

Если вообще умирает...

По умолчанию, Васька должен был стать гением. Я – просто способный. А вот Ва-а-а! Это – следующая ступень эволюции. На мне все педагогические методики обкатывались, на Васе – реализовывались. Меня дома учили быстро и с азартом. Васю – долго, вдумчиво и со вкусом. Может, поэтому я впоследствии вынужден был всю информацию схватывать на лету. А Василий вырос... тугодумом.

Впрочем, в доме наконец-то зазвучала английская речь! Сбылась мечта педагога. Мать на кухне задумчиво терла сухим полотенцем посуду, рассеянно выслушивая Васькины жалобы, которые щедро сдабривались надрывными всхлипами и выразительным закатыванием глаз.

А я ходил по нашей старенькой квартире, как по музею.

Каждый пустяк, каждая деталь или предмет в комнате отзывались в душе какой-то щемящей нежностью. Непонятно к кому – то ли к родителям, то ли к брату, а может быть – к самому себе.

А скорей всего – ко всему этому забытому миру. Яркому и беззаботному. Миру неведения зла и подлости. Наивной вселенной без проблем и горя. Где не было ни прошлого, ни будущего – только настоящее. А если и заглядываешь вперед – то максимум на день или на два.

«Послезавтра, если будете себя хорошо вести, пойдём в цирк». Послезавтра! Как долго. Дожить бы...

«Через месяц надо показать тебя стоматологу». Ха! Испугала. «Через месяц» – это как «в другой жизни». Через месяц и будем бояться. А там «или эмир умрет, или ишак сдохнет».

¹ Начало песни «Let it be» («Да будет так»). – *Здесь и далее примеч. авт.*

² «Ручка» и «карандаш» (англ.).

Хотя... про Насреддина я стал читать во втором классе.

Вернее, стану.

Стану?

И тут неожиданно сделалось страшно. По-настоящему. До темноты в глазах. До колик в животе. Скрутило от невыносимой жути так, что я уселся прямо на пол, где стоял, обхватив голову руками.

Стану...

Чего я «стану»? Читать Соловьева, которого взахлеб перечитывал четыре десятка лет назад? Не стану. Неинтересно – в прошлом году пытался почитать. Скука.

Тогда что? Учиться ездить на большом велосипеде? Уже умею. Плавать? Играть в шахматы? Разводить огонь в печке? Всему этому я учился в семилетнем возрасте.

Но... все это я уже умею... умею... умею...

Ходить в студию игры на баяне? Фига с два! Больше я этой ошибки не повторю...

Я еще посидел, успокаиваясь, встал на ноги и почему-то отряхнул колени.

Вот! Вот оно.

БОЛЬШЕ Я НЕ ПОВТОРЮ СВОИХ ОШИБОК!

Вот что действительно может стать интересным в моем купированном состоянии. В этом щедедушном детском тельце высотой чуть более метра. С необъяснимыми для моего взрослого сознания ограничениями прав и личной свободы. В условиях непререкаемого диктата тех, кто по факту младше тебя.

Матери сейчас только двадцать восемь!

– Голова точно не болит? – Мама появилась в дверном проеме, словно почувствовав, что я думаю о ней.

Она явно уже несколько оправилась от моего недавнего перфоманса и уверенно приближалась к реальности. За ее спиной, обиженно сопя, маячил непризнанный гений, обескураженный возмутительным невниманием к его персоне.

– Го-ло-ва не бо-лит, – продекламировал я нараспев по слогам, имитируя наши с мамой уроки чтения, – мам, да ты не волнуйся – я не чокнулся. Мальчик в школе принес слова «Битлов», я увидел знакомые буквы и выучил. Хотел тебе почитать. По дороге шел, повторял и не заметил машины.

Мир встал на место. Реки потекли по своему руслу. Деревья перестали расти корнями вверх. Мама «возвращалась»:

– «Битлы» до хорошего не доведут!

Я подошел к матери и обнял ее, уткнувшись носом в передник. Вообще-то у нас в семье это не принято. «Телячьи нежности» и прочее...

– Ну хорошо... хорошо. – Мать неуверенно погладила меня по голове. – Иди ешь, стынет уже. Осторожней надо... на улице...

Ну не может без морали.

За ее спиной густым басом ревниво заревел вундеркинд-недоучка...

А за окном неистовым крымским солнцем исходил по-летнему жаркий сентябрь одна тысяча девятьсот семьдесят третьего года.

Глава 2 «К борьбе за дело...»

Беспомощность.

Злость, обида и острое ощущение всепроникающей беспомощности...

Что-то отвык я от правил бдительности в этом прайде одноклеточных. Расслабился с возрастом – и вот теперь лежу на животе, вытянув вперед руки, и вижу только спину своего обидчика.

Он, подпрыгивая, бежит в стае таких же приматов. Держит перед собой двумя руками портфель и выискивает очередную жертву среди карапузов, чтобы двинуть ее, как и меня, исподтишка в спину.

Абсолютно иррациональные действия. В чем кайф?

Гормоны бушуют, страшно хочется отомстить. И лица своего врага я не разглядел толком. Успел заметить только уголок красного символа пионерии поверх псевдоджинсовой курточки отечественного производства.

«К борьбе за дело... Будь готов! Всегда готов!»

Оказалось – не готов.

Ну вот как так-то? Зла не хватает! Походя, между прочим, двинуть портфелем человека! Чтобы не загромождал проезжую часть, что ли?

Я медленно поднялся, уже привычным движением отряхнул колени и стал запихивать в штаны выбившуюся из-под куртки рубашку. За спиной хихикали...

– Караваев!

Таким голосом, наверное, обладала «железная леди» в Англии. В нем все – обличение преступника, вердикт присяжных, приговор – и заодно профилактика предстоящих правонарушений.

Я повернулся.

Валентина Афанасьевна. Учительница первая моя. Которую, к слову, перейдя в другую школу во втором классе, я моментально забыл. Вопреки распространенным стереотипам. А сейчас, гляди ж ты, вспомнил имя-отчество моментально.

– Какие правила нужно соблюдать в школе? – Хмуря брови, учительница стояла в дверях того самого класса, куда я и направлялся, но, к сожалению, проехал на пузе мимо из-за избытка кинетической энергии.

– Не пить... не курить... девочек не соблазнять, – тихо бурчу я себе под нос, продолжая приводить форму в порядок.

Однако слух у пожилой учительницы отменный и профессионально чуткий. Впрочем, выдержка тоже.

– Зайди в класс, – сказала она ледяным тоном, – и встань перед доской.

Я с угрюмым видом проплелся в классную комнату и встал на лобное место.

Какие знакомые забытые лица!

На первой парте – Борька Фурманов. С ним я через месяц сдружусь. Вместе будем ходить в секцию спортивной гимнастики. Аленка Заяц – тайная любовь всех наших мальчишек. Близнецы Кирюхины, очкастый Петр Краев – именно «Петр», а не «Петя», отличник и зануда. Тимка, Артурчик, Люська, Натаха, Гиви – я же напрочь забыл всех вас!

– Дети! Какие правила следует соблюдать первоклассникам в школе?

Валентина Афанасьевна ничего не делает наполовину. Педагогическую загогулину всегда нужно разогнуть до конца. В назидание грядущим...

– Валентина Афанасьевна, Караваева какой-то старшеклассник толкнул. Он упал. Он не виноват, – верная и надежная Наташа.

Одновременно и тянет руку, и встает, и садится, и говорит взхлеб, пылая праведным гневом.

– Тише, тише, Наташа. Караваев, это правда?

Мне надо что-то сказать. Что-то простое и очевидное.

Я с ужасом начинаю понимать, что сказать-то нечего! Вернее, на языке вертятся десятки заманчивых ответов, но они не могут принадлежать моему персонажу.

Какой-то сюрреализм.

Какой-то топорно примитивный ход развития сюжета. Два плюс два. Четыре, Караваев? Да, блин! Где-то так. Не больше четырех, но точно не пять. Мне что, всхлипывая от обиды, заверить присутствующих в правдивости свидетельских показаний?

Элементарные частицы материи превращаются в монументальные куски реальности, между которыми нет прохода! Симфонический оркестр пытается исполнить «Чижика-пыжика» и лагает, как пьяный лабух! Сознание взрослого трепещет от сжимающейся клетки требуемой обстоятельствами деградации.

Это похоже на приступ паники. Той, которая уже была у меня вчера дома. В животе опять противно закололо.

– Караваев, ты что молчишь? С тобой все в порядке?

Я понимаю, что, если скажу «да», все кончится.

Я вернусь на свое место и вольюсь в естественную среду полноправным членом. Стану в дружный строй колонны, которая размеренным шагом вела меня благополучно по жизни без малого полвека.

И я почему-то страшно не хочу этого. Не хочу подчиняться этим простым, как бамбук, условиям и обстоятельствам. Сдаваться не хочу. Прогибаться. Мимикрировать не хочу.

Не желаю я деградировать!

В конце концов, Я СЮДА НЕ НАПРАШИВАЛСЯ...

Поворачиваюсь и на глазах у изумленных одноклассников в звенящей тишине выхожу из класса.

Я знаю, где его искать.

Наш «аквариум» для первоклассников размещается на первом этаже левого крыла школы. А «террариум» для остальных – в правом крыле. Этажом выше нас – администрация, классы специализации, пионерия-комсомолия. Первоклашки этого не могут знать.

А вот я знаю.

И еще я знаю, что мой обидчик, пробегая по первому этажу левого крыла к запасной лестнице, мог двигаться только к одной цели – в сторону школьного спортзала, к которому «через первоклашек» короче. Ведь его собственный ареал обитания находится в совершенно другой стороне.

Ну да! Так оно и есть – вот и он.

«Кишку» в спортзал еще не открыли, и весь класс четвероклассников тусуется в маленьком коридорчике с огромными окнами на школьное футбольное поле. «Джинсовый пионер» стоит в небольшой группке соратников и, слегка подпрыгивая от возбуждения, рассказывает им что-то с азартом Петросяна.

Соратники ржут.

Вывинчиваясь на ходу из ранца и перехватывая его в правую руку, я набираю скорость. Слева мелькает выходящий из подсобки физрук в красной форме с надписью «СССР» на груди.

Да и фиг с ним!

«Джинсовый», не прекращая ржать, поворачивает голову на непонятное движение в свою сторону и, указав пальцем на клопа-первоклашку, хочет что-то сказать своим однопольчанами.

Я с разбега футболом его правой ногой в центр голени. Как пенальти пробил. А потом, не прекращая движения, по широкой дуге справа воссоединяю свой ранец с левым ухом противника. Как раз в тот момент, когда он начал наклоняться к поврежденной конечности.

Враг обрушивается вниз наискосок взорванным небоскребом. И почти с таким же грохотом. Надо ли говорить, что ранцы у первоклашек тяжелые, в силу их неиспорченной добросовестности в деле переноски пары-тройки толстенных учебников?

Стоящий справа ближайший ко мне долговязый очевидец с ярко-пунцовыми прыщиками на лице говорит: «Э-э!» – и тянется ко мне правой рукой.

Но тут неведомая сила отрывает меня от земли и тащит назад за шиворот, избавляя от бессмысленных объяснений с присутствующими.

– Ты ч-чего, парень. – Физрук явно немолод, некрасив и совершенно неспортивен.

Надпись «СССР» вблизи оказывается слегка растрескавшейся и явно самопальной. Почему-то на ум приходит слово «водоэмульсионка».

– Ты это... зачем? Ты... как это? Ты кто вообще?

«Сергей Валерьевич», – выскакивает в памяти.

Хороший дядька, хоть и тормоз. Главное – добрый и незлопамятный. Наверное, мой ровесник – где-то под полтинник. Кстати, тоже из отставников.

– Ты из какого класса, мальчик? – Физрук начинает вспоминать, что он все же какой-никакой, но педагог.

– Класс млекопитающих. Отряд приматов. – Трудно умничать в подвешенном за шкуру состоянии. – Руку убери!.. Уберите!..

Меня опускают на землю.

Я разворачиваюсь и шагаю к поверженному противнику. Он сидит, ошарашенно вращая глазами, и размазывает кровь по лицу. Наверное, карабином от ремня задело. Вокруг него суетятся и причитают переполошенные одноклассники.

Я подхожу и протягиваю руку:

– В расчете?

Ситуация по-пацански естественная. Неписанный этикет, знаете ли...

Только, против обыкновения, на другой стороне весов – не равный противник, а шпак, молекула, вонючка-первоклассник. Ему не положено так говорить... И так делать... Тем более на глазах у всех... Я ему сейчас... Убью!.. Черт, физрук здесь!

Собственно, на физрука я не рассчитывал, но его присутствие (пока он с трудом переваривает случившееся и не вмешивается) позволяет мне загнать оппонента в патовую ситуацию. На фоне шока от невиданной и короткой расправы.

Ну же, решай! Лицо ты потерял в любом случае. Сделай теперь хорошую мину...

– В расчете?! – Я намеренно повышаю голос, подталкивая его к очевидному решению.

Все равно он пока ничего толком не сообщает. А рука противника – вот она, перед носом.

– В расчете. – Он вяло жмет мне руку и пытается встать.

Шок еще не прошел, но желание меня уничтожить легко читается в его глазах.

Поздно!

Я разворачиваюсь и иду в класс.

Дурацкая, дешевая, мелкая победа. Но почему-то мне становится легче...

Глава 3

Свободу Луису Корвалану!

Кисть все-таки потянул. Что за хилое тельце!

Я вернулся в класс. Молча в неожиданно наступившей тишине прошел мимо парт и плюхнулся на свое место рядом с Люськой Артемовой. Даже не задумался, где я должен сидеть, – просто знал. Открыл ранец, достал пенал, тетрадь, потрепанный букварь из школьной библиотеки. Только потом осторожно поднял глаза на учительницу.

Валентина Афанасьевна напряженно решала педагогический ребус.

Все было нетипично!

Школьные правила звонко трещали по швам, но многолетний опыт подсказывал ей не торопить события и не принимать скоропалительных решений.

Секунды три мы еще играли в «гляделки» с учительницей, потом она повернулась к доске и продолжила рисовать замысловатые крючки, которые многострадальные первоклашки должны будут воспроизвести в своих прописях.

Я тихонечко выдохнул. Тут же меня сзади затеребили за плечо.

– Караваев! Тин-насевна к директору ходила. Я сама видела! Из класса вышла! И сразу пошла! – Натаха умудрялась говорить сразу и шепотом, и скороговоркой.

Значит, проследила. От Натахи другого ожидать и не приходилось. Боевая девчонка. Лучше большинства мальчишек.

– Игнатьева! – Валентина Афанасьевна даже не повернулась, продолжая скрипеть мелом по доске. – Тишина в классе!

Сзади хлюпнуло, и тряска прекратилась.

К директору, значит. Ну-ну...

Я начинал получать удовольствие от этого мира. Не суть важно, что он состоит из простейших, как куб, составных элементов. Что его связи и логические цепочки примитивны и однообразны, а поступки окружающих легко предсказуемы и хорошо знакомы – еще по той, прежней жизни.

Не страшно. Формула «я сюда не напрашивался» наполняла меня легкостью и азартной бесшабашностью. Вчерашний постулат «проживу новую жизнь без ошибок» стал казаться тусклым, унылым и беспросветным.

Краем сознания я понимал, что шараханье из одной крайности в другую вызвано симбиозом детской необузданной энергии и умудренного опытом рассудка, уставшего от многолетнего контроля над рамками норм и приличий. Понимал, но возвращаться к привычным для пожилого гражданина ограничениям не собирался.

Хотелось скакать, резвиться и радоваться этой жизни.

– Валентина Афанасьевна!

– Что, Караваев?

– Разрешите выйти из класса.

– Что случилось?

– Ничего не случилось. Мне к директору нужно.

Пауза.

– Зачем тебе к директору?

– Это конфиденциальный разговор.

Следующая пауза вышла на порядок длиннее.

– А ты понимаешь значение слова «конфиденциальный»?

– Секретный, доверительный, келейный, негласный, тет-а-тет. Продолжать?

Опять пауза.

Как же мы тяжело реагируем на экстремальные вбросы! Наши современные учителя к подобным аномалиям как-то попривычнее будут. Застой, одним словом.

– Так можно выйти или нет?

– Хм... Так, дети! Тихо сидим десять минут. Мы сейчас вернемся. Пойдем, Караваев. Легко.

Я шагаю по школьному коридору и наслаждаюсь ситуацией.

Валентина Афанасьевна – справа и чуть сзади. Конвоирует. Хотя вид у нее несколько озадаченный, если не сказать – обалделый.

А еще я чувствую ее страх.

Страх перед непонятным учеником, перед директором, перед милыми детишками, которые ей чертовски надоели за тридцать лет педагогической практики. Перед гороно, перед парткомом, профкомом, педсоветом, перед пьяным соседом, перед хулиганствующими подростками советских времен. Страх перед жизнью.

Мне становится ее немного жалко.

Когда мне было действительно семь лет, я всего этого не знал, не видел и не ощущал. Сейчас эта женщина передо мной – как открытая книга. Сейчас я – педагог, а она – испуганная и запутавшаяся ученица. Хочется ее подбодрить, но, боюсь, напугаю ее еще больше.

Стучу в дверь директора и терпеливо дожидаясь приглашения войти. Приглашают. Входим оба, несмотря на заявленную мною конфиденциальность.

Директор нашей школы – Вера Семеновна. Монументальная фигура, надо сказать. Очень напоминает Людмилу Зыкину в лучшие ее годы. Могучие плечи, огромный бюст, гигантская гуля на затылке величиной с мою голову. И все это непостижимым образом гармонирует с приятными на глаз чертами лица, чуть курносый девчачий носом, маленьким ртом с тонкими, ярко окрашенными губами и умными глазами зеленоватого цвета, которые женщина время от времени слегка близоруко щурит, принципиально не желая носить очки.

Завуч тоже здесь. Лариса Викторовна. Полный антипод женщины-директора. Тонкая, изящная, с худым усталым лицом, украшенным огромными очками с толстенными стеклами. Светлые, выгоревшие на солнце волосы собраны в легкомысленный пучок на затылке. Тихая, незаметная и незаменимая. И опасная. Внешняя мягкость не мешает ей быть жесткой и непреклонной всегда, когда это требуется.

Ну что ж, так даже лучше.

Представление начинается.

– Караваев! – У Веры Семеновны эта констатация звучит, как «ну вот, попался!».

– Караваев – моя фамилия, – соглашаюсь я, не удержавшись от пародии на Шилова из «Ментовских войн». – У меня к вам, Вера Семеновна, очень важный разговор.

Делаю серьезно-трагическое лицо. Настолько, насколько позволяет мимика семилетнего ребенка.

Брови директора медленно ползут вверх.

Лицо завуча непроницаемо.

Дыхание учительницы за спиной перестает быть слышным.

– Разговаривай, – очень медленно произносит Вера Семеновна.

Она пока еще не выбрала тактику своего поведения со школьником, на которого пять минут назад как-то сумбурно и невнятно настучала классная руководительница.

Не любим мы непоняток. А что вы скажете на это?

– Сальвадор Альенде убит, Вера Семеновна. Такие вот дела. Певцу и гитаристу Виктору Хара на стадионе в Сантьяго отрубили кисти рук, а потом проломили голову. В Чили

военный переворот, уважаемые педагоги. К власти десять дней назад пришла хунта Аугусто Пиночета.

Все это выговариваю медленно, нарочито трагическим голосом. Контакт с директором – глаза в глаза. Она с каждым моим словом щурится все больше и больше.

Молчание.

Нервное постукивание карандаша о край стеклянной чернильницы.

Браво, Вера Семеновна!

Вы понятия не имеете, кто такой Сальвадор Альенде. Но озвучивать сей прискорбный факт не торопитесь.

– И?.. – Ее глаза уже превратились в злобные щелки.

Буря уже готова разразиться громом и молниями, но директор не знает, что в рукаве у меня грозный и непробиваемый козырь:

– И... завтра в газете «Правда» будет опубликовано «Заявление советского правительства», в котором мы разорвем дипломатические отношения с фашистским режимом Чили.

Вера Семеновна производит короткий горловой звук, будто проглатывая готовую вырваться наружу грозную и обличительную тираду. Растерянно смотрит на завуча. Завуч тут же подхватывает потерянную партнером шайбу:

– Откуда ты знаешь об этом, Витя? – Лариса Викторовна всегда быстро и точно схватывает корень проблемы.

Человек без нервов и эмоций. Гениальный педагог.

– Я не могу вам ответить на этот вопрос, Лариса Викторовна.

Завуч остается невозмутимой, хотя мой ответ явно намекает на глубокий и суровый подтекст, так знакомый диссидентствующей советской интеллигенции. И, к слову, ни один первоклассник в школе никогда не мог правильно вспомнить ее имя-отчество.

– И у меня есть предложение... – А дальше, как черт за язык, ну не могу удержаться от шкоды: –...От прогрессивной прослойки учащихся начальных классов.

Очень хотелось спровоцировать Ларису Викторовну на эмоцию.

Не получилось. Смотрит внимательно, всем видом демонстрируя спокойствие, внимательность и доброжелательность санитары из дурки.

– И какое предложение от вашей... прослойки, Витя?

Умничка!

Говорит ласково и задушевно. Как с умалишенным. Теперь и взятки гладки.

– Я думаю, наша школа может в числе первых проявить солидарность с многострадальным чилийским народом. Например, конкурсом детского рисунка. Под девизом «Руки прочь от Луиса Корвалана!».

– А Луис Корвалан – он кто, антифашист?

А вот Лариса Викторовна не стесняется пробелов в спектре собственного кругозора. Второй раз умничка!

– Лариса Викторовна! – Моей укоризне нет границ. – Луис Альберто Корвалан Лепес – генеральный секретарь компартии Чили! Вы просто забыли.

Все замерли.

Я разворачиваюсь и шагаю на выход.

В дверях вновь поворачиваюсь, мимолетно наслаждаясь очередной немой сценой, и произвожу «контрольный выстрел»:

– И кстати! Корвалана арестуют на конспиративной квартире в Сантьяго только через неделю. Время еще есть. Пойду-ка я рисовать.

Осторожно, без стука прикрываю дверь за собой.

Глава 4

На стрелку нам в натуре снова

После школы меня уже ждали.

Это было естественно и легко прогнозировалось. Вот если бы не ждали – было бы странно. А так – группка человек из шести-семи во главе с «джинсовым» неадекватом демонстративно отиралась возле школьного забора, грозно потирая руки и поплеывая окрест себя.

Пионерские галстуки сняли. Мелочь, а приятно. Не хотят позорить символ борьбы за дело коммунистической партии непотребством всяким.

Собственно, по всем законам школьного социума бить меня никто не собирался. Первоклашек не бьют. Их «ставят на место», если требуется, конечно. Впрочем, даже до этого, как правило, не доходит. Не та публика, чтобы дерзить. Низшая ступень пищевой цепочки. Без права голоса и тем паче без права на свершение более или менее значимых поступков.

Но уж коли вышла такая печалька, вселенский баланс должен быть восстановлен. Любым путем. Хотя и не без своеобразного благородства.

Справедливости ради надо заметить, что нарушитель миропорядка не ставится в абсолютно безнадежную ситуацию. В школе кроме центрального есть еще два выхода – у спортзала и через столовую. Нормальный среднестатистический первоклассник, заметив грозную демонстрацию силы у ворот, обязан струсить и рвануть в обход – через кусты-заборы к мамочке под юбку. Это нормально. Дело тогда спокойно можно считать закрытым, а совесть чистой. Ну, будут слегка в дальнейшем попинывать при встрече, но это – сам виноват. Не нарушай «табели о рангах». Тем более так борзо.

Только меня такой расклад ни в коей мере не устраивал.

Настало время ломать традиции.

Я вышел через парадный вход и ровным шагом направился к открытым воротам.

– Эй, малой! Сюда иди...

Ничего не меняется в этой жизни! Даже фразы. Ни в будущем, ни в прошлом. А менять надо, господа. Свежеет ветер перемен. Он прилетит, прогнав ветра измен...

Я остановился перед «джинсовым» терпилой, держась руками за лямки до боли знакомого ему ранца.

– Иди сюда, я сказал!

Надо же, слова переставил! Прогресс. Собственно, я уже пришел. Стою здесь, куда просить изволили. Нагло рассматриваю потрепанное ухо своего собеседника.

Ну, раз первоклашка так туп, что не сообразил удрать, «кто не спрятался – я не виноват». Предводитель пионерского беспредела, рыкнув для убедительности, схватил меня за шиворот и потащил за угол школы. Соратники потянулись вслед, старательно изображая «уркаганский» шик, высмотренный, по всей видимости, в черно-белых сценах довоенного кинематографа, – оглядывались воровато, не прекращая сплевывать на ходу.

Молча препровождать меня к месту казни «джинсовому» показалось не так эффектно, поэтому по дороге он стал нагонять жути: «Ну сейчас... Ну все... Сейчас все...»

Что-то совсем плохо у парня с лексиконом. Благо идти было недалеко и словарного запаса хватило. Он приволок меня на пустырь за углом и тут же прижал к кирпичной стене левой рукой. Правую сжал в кулак и поднес к собственному правому уху. Как лук натягивал. «Страшно» выпучил глаза:

– Ты что, шкет, совсем охренел?

С козырей зашел. Ошибка. Самое верное решение для него было бы молча надавать мне по ушам, развернуться и величаво удалиться с чувством выполненного долга. А так – начинается вербальный контакт. А здесь примитивная мускульная сила может и растерять свое определяющее значение.

Ну, что дальше?

Пока молчу и смотрю ему прямо в глаза. Нагло и вызывающе. Для приматов – это угроза. Во взгляде у злодея мелькает легкая неуверенность. Что-то неправильное происходит в этом мире. Диссонанс. По идее я должен сразу же получить психотравму от страшного ругательного слова, закрыть лицо руками, просить пощады и так далее. При таком раскладе все просто: опять же получаю по шее, пинком под зад – и все, дело можно сдавать в архив.

Однако программа начинает давать незапланированные сбои.

– Ты что, – экзекутор решает зайти с противоположного фланга, – в репу хочешь?

Тот же козырь, но, правда, чуть помельче.

И, разумеется, опять без ожидаемого эффекта. «Джинсовый» непроизвольно даже встряхнул меня несколько раз, инстинктивно пытаюсь вернуть «непонятку» к реальности. Мол, «ты это... давай... не безобразничай тут».

Ладно, не буду безобразничать.

Вернусь к реальности. Только в другом измерении. В своем.

Замечаю в «группе поддержки» прыщавого верзилу, который давеча у спортзала пытался заступиться за обиженного товарища. Владелец пестрой физиономии неумело подкуривает мятую «беломорину», всем видом демонстрируя равнодушие к происходящему.

Указываю на него левой рукой.

– Чего? – «Джинсовый» недоуменно озирается.

– Пусть он скажет, – теперь я смотрю в глаза прыщавому.

Тот неожиданно кашляет, подавившись дымом.

– Чего скажет?

– Пусть он скажет, – стараюсь говорить внятно, хотя собственный адреналин все же меня потряхивает, – пусть скажет, был РАСЧЕТ или нет.

– Какой расчет? Чего ты лепишь?

– Обыкновенный РАСЧЕТ. Я тебя спрашивал у спортзала: «В расчете?» Ты сказал: «В расчете». Мы пожали руки. При всех. Пусть он скажет, был расчет или нет.

А вот сейчас все уже становится гораздо сложнее! Партия переходит в качественно новую систему координат. На новый уровень. Здесь соучастники автоматически превращаются в свидетелей. Если вообще не в суд присяжных.

Мальчишек хлебом не корми – дай поиграть в понятия, традиции и законы. И не суть, что эти самые правила порой придумываются тут же, на месте. Всегда солиднее выглядит тот, кто с многозначительным видом изображает компетентность в этих вопросах. А это, на секундочку, уже категория статуса. Того самого социального статуса, за который в этом возрасте происходит постоянная и бескомпромиссная грызня в любой компании подобного розлива.

Поэтому упорствую, злонамеренно провоцируя долговязого:

– Расчет был или нет? Чего молчишь? Твое слово.

Давай, красавец, реагируй. Ведь это твоя пара очков авторитета. На пустом месте. За так – только руку протяни...

– Был расчет, – бурчит прыщавый, сообразив наконец о собственных дивидендах, – все верно, Хома. РАСЧЕТ был.

Хороший мальчик. Правильное решение. Теперь мой выход:

– Руку убрал... Хома!

От моей наглости у «джинсового» округляются глаза:

– Ты ч-чего борзеешь?

– Раз кент ботает за расчет, не в мазу поцем кипешевать. – Я рывком освобождаюсь от захвата. – Западлю фраеру гнусом по жиле штырить.

Если честно, этот набор белиберды, похожий на блатной жаргон, я придумал заранее, просчитывая планируемое развитие хода событий. Даже стишок один вспомнил, который одно время метался по Интернету.

– Опа-опа, – делает «охотничью стойку» парень, приятными чертами лица напоминающий девчонку. – Это что, по фене? И что значит?

Здесь они тоже – липнут как мухи на мед! Вот откуда у них такая тяга к блатной романтике? Исторические корни каторжных предков? Славянский бунтарский дух?

– Если расчет был, конфликт по понятиям исчерпан, – перевожу я, – негоже правила нарушать, господа хорошие!

– Завально! А ты че, как это, по фене ботаешь? Кто научил? Слышь, а еще скажи чего-нибудь.

«Джинсовый» уже оттерт в сторону – причина толковища забыта. У мальчишек горят глаза как перед новой игрушкой.

– Да пожалуйста: летит малява беспонтово, мотор порожняком гичкует, на стрелку нам в натуре снова, но бог не фраер – он банкует.

– А это чего значит? – ревниво бурчит «джинсовый», пытаюсь набрать потерянные баллы.

– А это значит... Летит письмо – не жду ответа, и сердце попусту страдает. Свиданье нам... возможно ль это? Господь – владыка. Он решает.

Радостно ржут. Один даже подпрыгивает на месте от возбуждения, радостно шлепая себя по ляжкам.

– Слышь, малой, а тебя как звать-то?..

Я поздравил себя с приобретением новых знакомых. Ведь неплохие в целом парни.

Пионэры...

Глава 5

Нет дыма без огня

– Да стой ты! Подожди-ка, я сам, – это отец.

Ну как маленький, ей-богу! Сидел, мучился, записывал через микрофон на допотопный «Брянск» музыку с телевизора. А я ему показал, как двумя медными проводками от телефонной «лапши» можно завести сигнал в магнитофон напрямую от звуковой платы не менее допотопного «Рекорда».

Теперь батя неуклюже тычет толстым паяльником в потроха раскуроченного телевизора, сопит и торопится – ведь «Песня-73» уже в разгаре, а ему так не терпится попробовать неожиданное ноу-хау. На маминой деревянной разделочной доске – куски канифоли, капли олова и черные подпалины. В другое время папе был бы капец, но мама очень любит Толкунову и терпеливо сносит наш вандализм.

Папа так разволновался, что даже не спросил, откуда я знаю про такие уловки. А мама пока просто собирает информацию, внимательно посматривая на меня и что-то себе на усмотая.

Младший братишка крутится возле отца, усердно пытаюсь хоть чем-то помочь семейному делу. Разумеется, всем мешает, наталкивается на папино порывивание, всхлипом обозначает начало грандиозного рева, тут же о нем забывает и вновь продолжает суетиться. Чувствует, что внимание родителей несколько смещается в сторону от его особы. Эгоист растет!

– Мам, я схожу погуляю.

Мать отрывается от высмаркивания Васькиного носа и выдает по накатанной:

– Уроки сделал?

– Да, сразу же после школы.

– Показывай!

Я поплелся в другую комнату.

Когда возвращался, в голове забрезжила кое-какая идея.

– Слушай, мам. Показать-то я, конечно, покажу. Только давай сделаем поинтереснее!

– Что ты еще придумал? – За последние сутки мать стала какой-то тревожно-подозрительной.

– Я предлагаю договор. Ты – больше не контролируешь мои домашние задания. Если я получаю в школе меньше четверки – договор расторгнут. Если ты захочешь проверить, а уроки не сделаны после четырех, – договор расторгнут. Если ты проверяешь и находишь хоть одну ошибку – договор расторгнут. Если задаешь вопрос по программе и я не могу ответить или отвечаю неправильно – договор расторгнут. Идет?

Отец в клубах канифольного дыма косится в нашу сторону и озадаченно хмыкает. Мать хлопает глазами и неуверенно спрашивает:

– А зачем это?

– Ну как, мам! Я же должен учиться самостоятельности. Должен быть ответственным, серьезным. И тебе голову своими уроками не забивать. Вон Василий до сих пор читать не умеет, учи лучше его. И кстати, у нас таблицу умножения еще не проходят. А я уже выучил. Сверх программы. Проверь.

– Трижды восемь, – говорит мать рассеянно.

– Двадцать четыре. А шестью семь – сорок два, а семью восемь – пятьдесят шесть. Ну что, мам, договорились?

Когда в прошлой жизни я перешел в четвертый класс, мать сама придумала этот договор, потому что Васька учился отвратительно и занимал львиную долю ее свободного вре-

мени. Сейчас я бессовестно занимался плагиатом, предполагая, что матери не может не понравиться то, что она сама придумает позже.

– Ну, давай попробуем. – В ее голосе неуверенность.

– Ну давай, пробуй, – в тон ей вторю я и сую матери тетради с домашкой, – а я пошел гулять. Найдешь ошибку – нет договора.

– В девять чтобы дома был! – Мать пытается хоть последнее слово оставить за собой.

– Чего хочет женщина, того хочет бог!

Не вышло.

Слышу, как очередной раз хмыкает отец...

Мой старенький дворик.

Буквой «П» – три сборно-щитовых двухэтажки послевоенного типа с деревянными лестницами и печным отоплением. С четвертой стороны – гигантская софора, притеняющая своей кроной добрую треть двора. За ней – кривые улочки колоритных домиков, своеобразно сочетавших в себе татарско-украинскую эклектику: с летними кухнями и вездесущим виноградом в палисадниках, на арках и беседках.

С другой стороны двора над шиферной крышей правого дома виднеются новенькие хрущевки-пятиэтажки. Относительно молодой микрорайон, хотя часть окон первого этажа уже оплетена виноградом. И вообще кругом просто море зелени!

Я очень люблю этот дворик.

Тут есть все для счастливого детства мальчишки семи лет. Справа за нашим домом в двух шагах – гаражи-сарайки, которые постоянно вскрываются, ломаются, сносятся и вновь достраиваются. Иными словами – живут своей жизнью, как известковый хребет кораллового моллюска, давно превратившись в заманчивый лабиринт. Его зигзагом пересекает бетонная дорожка, прелесть которой в том, что дальний ее конец, выходящий на городскую улицу, гораздо выше ближнего, впадающего в наш двор. На этой чудесной горке я когда-то сломал руку, пытаясь научиться скатываться вниз задом на трехколесном велосипеде.

Справа от софоры за парком виднеется желтая высокая стена летнего кинотеатра «Заря». Это кроме того, что каждое воскресенье к нам во двор приезжает передвижной кинотеатр – старый «газончик» с будкой, в которую загружены скамейки для зрителей и небольшой штопанный экран.

Вы, дети двухтысячных! Искушенные интернетом, мобилами и планшетами! Вы представить не можете, какое это счастье – сидеть всем двором на занозистых лавках в ароматной темноте и смотреть «Гусарскую балладу» на изношенной и потрескавшейся кинолентке. А в летнем кинотеатре я узнал, кто такой Фантомас. Поход туда в то далекое время был для меня как посещение Большого театра для меня нынешнего. По крайней мере, по эмоциональному эффекту.

С заднего торца летнего кинотеатра на пустыре мы дрались с мальчишками из соседнего двора. Вернее, дрались пацаны постарше, а мы, мелкота, швыряли в противника камнями. Доставалось и своим, и чужим.

Что интересно, дрались всегда по субботам. Начинали собираться где-то после шести, переругивались, распаляя боевой дух. Понемногу легкая пехота в лице малолеток начинала пошвыривать голыши, и когда пара-тройка зарядов попадала в цель, шли уже стенка на стенку. С визгом, азартом, соблюдая своеобразный боевой порядок и неписанные правила – ножей и железа не брать, лежащего не бить, после первой крови в сторону.

И взрослые как-то ровно относились к этому варварству. Замажут зеленкой потрепанных драчунов – и в воскресенье на море: зализывать раны в здоровой соленой водичке. Пляж – это «демилитаризованная зона», где бойцы оттуда и отсюда дружно «вспоминают минувшие дни и битвы, где вместе рубились они»...

Кстати, сегодня – суббота. Активные игрища на свежем воздухе, наверное, уже в разгаре, но меня туда почему-то не тянуло. Я стоял на крыльце и впитывал знакомые и давно забытые запахи.

Вечерело.

Заходящее солнце красным маревом заливало верхние этажи пятиэтажек. Двор устало шевелился. Вздыхал, гремел доминошными костяшками, покрикивал из окон на загулявших детей, играл в «дочки-матери», сосал пиво, тьякал, мяукал, кудахтали...

– Привет, Булка! – Головастый крепыш лет девяти медленно подходил ко мне справа по отмостке дома.

Трюха.

Трюханов Вадик из соседнего подъезда. Оболтус с вечно испачканной физиономией и ожогами на руках.

– Смотри, чего есть. – У Трюхи в кулаке зажат зеленоватый цилиндр с внутренними продольными отверстиями.

Блин, придурок! Это же «свистуля» – трубчатый порох, который немцы в войну использовали в боевых зарядах. Его легко найти на тридцать пятой батарее около Казачьей бухты. Выходит, Трюха опять лазил туда. В прошлый раз он проткнул себе задницу, усевшись в запале своих изысканий на какой-то ржавый штырь. С месяц перемещался как-то боком, покрабьи. А сейчас, значит, оклемался. И опять за старое! Действительно, придурок.

– Запалим? – Трюха вытащил из кармана кусок фольги и деловито стал обматывать «свистулю».

Когда трубчатый порох горит в фольге, он издает характерный резкий свист, за что и получил такое название. Если правильно обмотать – получается что-то вроде свистящей ракеты. Трюха – большой любитель таких фейерверков. Батя у него мичман. Сейчас – кладовщик, но в прошлом сапер. «Яблочко от яблони», что называется.

– Не советую, Трюха. Без башки останешься.

– Ну и... дурак.

Коротко и ясно. Без иллюзий. Крепыш моментально потерял ко мне интерес. Как ни в чем не бывало развернулся и потопал в сторону гаражей, с сопением продолжая обматывать «свистулю» фольгой.

Я критично покачал головой – доиграется когда-нибудь...

Во двор с левой стороны из-под софоры неожиданно залетел белоснежный козленок. За ним степенно трусило все козлиное семейство. Тут же со второго этажа напротив раздались скандальные женские крики. Ветхая старушка, бормоча беззлобные ругательства, шаркала вдогонку своим питомцам со стороны частного сектора, вяло помахивая длинной хвостиком. У нас это обычное дело.

Это что!

Один раз, сбежав из бродячего шاپито, во двор ненароком забрел... верблюд! Весь двор высыпал на улицу стричь с невиданной зверины очень нужную при простудах верблюжьей шерсть. Из нее потом надо связать носки или шарфик, чтобы лечиться впоследствии в свое удовольствие.

Верблюд покинул наш двор похожим на большую лишайную собаку. Больше его в цирке не видели, по крайней мере в том сезоне...

За углом со стороны гаражей пронзительно свистнуло. Потом раздался звонкий хлопок, и почти сразу послышалось характерное зловещее потрескивание.

«Ну вот не придурок ли?» – с досадой подумал я и направился в сторону шума.

Трюха уже летел мне навстречу, ошалело вращая глазами. Копоти на его рыльце значительно прибавилось.

– Ходу! Горит!

Он пулей наискосок пересек двор и замелькал пятками среди деревьев парка, ведущего на территорию вражеского двора.

– Стой, скотина! Где горит? Урод...

Я побежал к гаражам.

Собственно, в этом «шанхае» гаражей было немного – пять или шесть. Все остальное пространство занимали кривые ряды живописных сараек, размером чуть больше туалетной кабинки. Здесь жильцы хранили старые вещи, хлам и уголь для растопки. Некоторые закрывали в этих будках велосипеды, мопеды и даже мотоциклы. Разумеется, там можно было найти и бензин.

Видимо, Трюхина шутиха этот бензин и нашла, филигранно вписавшись в верхнюю щель щербатой двери одного из сараев.

Открытый огонь еще не вырвался на свободу, но его жадные языки с гудением выламывались из всех щелей убогой постройки, с удовольствием покусывая соседние шедевры бытовой архитектуры. Прямо на глазах тонкие сизые струйки дыма из-под общей шиферной крыши превращались в зловещие черные спирали, наполняя пространство вокруг душливым туманом. Видимость резко ухудшалась.

Неожиданно события стали ускоряться, будто в сумасшедшем калейдоскопе. Сначала со стороны двора истошно закричали женские голоса. И почти сразу же появились бегущие жильцы с ведрами и кастрюлями. Кто-то разматывал явно короткий и бесполезный садовый шланг. Кто-то тащил настоящий, хотя наверняка просроченный, огнетушитель. А кто-то уже лупил арматуриной по горячей двери, пытаясь сбить замок.

Со звонким треском начал лопаться шифер на крыше. Где-то далеко гуднула пожарная сирена. Хаос и неразбериха оставляли неприятное ощущение тщетности любых человеческих усилий. Мне стало понятно, что сгорит весь ряд, в котором было около десяти сараек. Однако народ бился со стихией насмерть. Я бы сказал, с подъемом и воодушевлением. Дружно, весело и с азартом, напроць забыв о скучном субботнем вечере.

Что характерно, никто не пытался спасти свой хлам. Только один мужичок с невзрачной перекошенной физиономией трясущимися руками все пытался отпереть амбарный замок своей клетушки, которая уже начинала заниматься огнем. Кто-то пытался его оттащить, но он с неожиданной яростью оттолкнул спасителя, распахнул дверь и исчез в дыму.

Народ охнул. К горящим сараям из-за жара было уже трудно подойти. В проеме, куда канул умалишенный, блеснул язык пламени. Какая-то женщина запричитала. Кто-то побежал вызывать «скорую».

И тут несгораемый субъект вернулся к людям. На четвереньках. С дымящейся одеждой на теле и тлеющим перекошенным чемоданом в руках, из которого что-то сыпалось и дымилось. Его окатили водой, и он зашипел, как раскаленная сковородка. Мужики на радостях чуть не надавали ему по шее, а он, обнимая спасенный чемодан, судорожно икал и затравленно озирался.

Взревывая сиреной, во двор въехала пожарная машина. Народ расступился, и остатки гаражей в три счета были превращены в черные мокрые дымящиеся руины с трупами какой-то мототехники среди тлеющего угля.

Для пацана нет чуда прекраснее на свете, чем работа пожарной команды на реальном пожаре. Но сегодня, раскрыв рот, глазели и дети, и взрослые.

Не глазел только я.

Потому что в это время обалдело рассматривал то, что вывалилось из чемодана невзрачного мужичонки. Того самого, кто в огне не горит, в воде не тонет. Предмет, который я поднял в благородном порыве вернуть утраченное добро владельцу, оказался слегка оплавленной черной магнитофонной мини-кассетой. Что-то похожее я видел в телефонных автоответчиках когда-то давно... в будущем.

Ни в этом времени, ни в этой стране этого предмета просто не должно было быть!
Вечер переставал быть томным.

Домой я вернулся вместе с отцом, причем выглядел я гораздо чище.

Наша сарайка не пострадала, поэтому папа был возбужден и... доволен. Однако это не мешало ему всю дорогу грозить чумазым кулаком в воздух, засоряя эфир обещаниями рано или поздно отыскать «этих козлов», «поотрывать ноги», «натянуть глаз» и так далее...

Народ постепенно рассасывался по квартирам.

Отчаянно вертя головой, я все пытался высмотреть несгораемого владельца непонятной кассеты. Но то ли оттого, что в воздухе продолжала висеть сизая гарь, то ли по причине стремительно наступающих вечерних сумерек новоявленного Терминатора мне найти не удавалось. Возможно, любопытный субъект покинул представление еще в первом акте – до начала тушения пожара красавцами-пожарными. Так сказать, по-английски. Предпочел остаться без всеобщего признания и пропустил шикарное шоу.

Другая странность: практически всех участников печального карнавала в той или иной степени я знал. Самое меньшее – видел пару раз в нашем дворе. А этого йога, ходящего по углям, не видел ни разу. Это при том, что вся массовка в полном составе принеслась на велосипедное барбекю исключительно со стороны нашего совместного проживания. Снизу вверх. В этом я был уверен, так как оказался у истоков событий в числе первых и, находясь чуть в стороне (я же маленький!), прекрасно отслеживал всю картину целиком.

С верхней стороны нашего «шанхая», откуда приехала пожарная машина, пешком не появлялось ни одного человека!

Что получается? Незнакомец был своим? Дворовым?

Я задумался. По два подъезда в трех двухэтажках, по две квартиры на этаже, двадцать четыре. В каждой квартире четко по три комнаты, но большинство живут по принципу «коммуналка» – несколько семей с общей кухней. С нами, кстати, тоже живет какая-то старушка с очень сложным именем. Я в детстве никогда не мог его запомнить.

Ираида Артемьевна – тут же подсказала мне услужливая память, помноженная на взрослое сознание.

Ну да, ну да...

Я стал вспоминать, кто и где живет.

Одновременно, будто на автомате, рассеянно наблюдал, как отец матери живописует в деталях хронологию пожара. Потом рассеянно ужинал со всей семьей, не реагируя на подлые Васькины пинки под столом. Лениво глазел в телик, продолжая в уме считать, вспоминать, расселять и переставлять людей. И уже в кровати, перед уходом ко сну, стал подводить итоги.

Значит, так.

В сумеречной зоне моей памяти осталось две квартиры и три комнаты в двух домах – напротив нашего и справа. Я не мог вспомнить или просто не знал, кто там живет. Лежбище подражателя птицы феникс могло быть только там.

Ну вот почему мне так надо отыскать этого огнеборца?

Я не мог ответить на этот вопрос. Хотя...

Нет, не мог. Возможно, потому, что уже... заснул.

Глава 6

Странно все это

Проснулся я другим человеком.

Шпиономания и подозрительность испарились напрочь. Детское восприятие не приемлет тревожности, и я полностью растворился в этой безмятежной ипостаси радости и предвкушения счастья. Взрослой моей составляющей велено было просто заткнуться.

Воскресное утро выдалось солнечным, по-летнему жарким и звонким, несмотря на конец сентября. Это означало одно – семья идет на ПЛЯЖ. Как и большинство обитателей нашего двора.

О, эти пляжные воскресные дни!

Много позже, став значительно старше, я много раз с грустью наблюдал за копошившейся детворой во многих городах нашей страны. И понимал, насколько повезло мне в жизни. Ведь мое детство прошло на берегу моря, в волшебной стране солнца, южных фруктов и самого ароматного на земле воздуха, пропитанного запахами соли, кипариса и неведомых цветов!

Ну, здравствуй, море. Я вернулся...

Мы ходим на Мартышку. Так наши обормоты окрестили Мартынову бухту. Здесь микроскопический дикий пляж почти в центре города с прозрачной водой и относительно чистым песком. Дикий – потому что это как бы территория бетонного завода, который построили сразу после войны на одном из центральных холмов полностью разрушенного города. Для его восстановления. Город уже отстроили, а бетонный завод с Мартышкой так и остается нетронутым. Почти не работает – далеко и невыгодно возить бетон на окраины, где кипят новостройки. И не ликвидируется. Наверное, руки у советского начальства просто не доходят.

Вот такой оазис, не знакомый гостям города и с комфортом освоенный местным населением.

Вообще по меркам семилетнего организма до Мартышки идти чудовищно долго – через Хитрый рынок, Кладбище коммунаров, Загородную балку с цирком шапито. Потом долго нужно шагать по Катерной улице справа от Карантинной бухты, где база торпедных катеров, место службы отца Трюхи-поджигателя, и суровый пляж Скалки.

Суровый – потому что под грозным родительским запретом.

«Там дети убиваются», хотя «дети» через пару лет будут уже втихаря шастать на Фиолент, где обрывы до шестидесяти метров. Но на Скалки с их трехметровыми утесами – ни-ни!

Долго все-таки добираться. Но какое это увлекательное путешествие!

С Катерной как на ладони виднеется древнее городище Херсонеса с руинами Владимирского собора. В руках у детворы, шагающей на Мартышку, – разноцветные грозди винограда, который они обдирают во всех дворах, лежащих на пути.

Вы думаете, хозяева ругаются? Правильно, ругаются. Но так, для проформы. Чтобы лозу не ломали. А попросишь – сами нагрузят так, что не унесешь. Виноград – это сейчас, в сентябре. А летом на этих улочках, которые мы называем «сладкими зонами», – и черешня, и персики с абрикосами, и ежевика. Знатоки могут показать даже инжирные места. И растет это все прямо на улице, даже не во дворах. Просто иди и ломай.

Поэтому к Мартышке подходим уже слегка отяжелевшие.

– Витек! Привет!

Я оглядываюсь. Нас догоняет компания «джинсового» пионера.

– Здоров, бандиты!

– Это что такое? – Мама есть мама, хотя трудно быть строгой с полотенцем на бедрах, в лифчике с ромашками и в огромной соломенной шляпе.

– Мам, я с ребятами. – Не дожидаясь разрешения, отрываюсь от семьи и бегу за пацанами.

Моего недавнего врага, теперь – доброго приятеля, зовут Славкой. Откликается на позывной Хома, Славик Хомяков. Лидерствует в этой микрогруппе не он, а, как выяснилось, любитель «фени», паренек с миловидными чертами лица. Юрась. Прыщавого свидетеля зовут Борей, есть еще два брата Ваня-Саня, Родион и Ахмет.

Родион, кстати, живет во вражеском дворе за летним кинотеатром. Его лицо мне еще тогда, за школьным углом, показалось знакомым. Наверное, сталкивались раньше в мальчишеских битвах.

Пацаны почти все в длиннющих семейных трусах – шик пляжной хулиганствующей моды. Только прыщавый Боря в человеческих плавках да на Ахмете – пузырящиеся на коленях треники. Все черные от загара. Хищные, опасные – красавцы! Шпана шпаной.

Тогда в школе наш прежний разговор одной «феней» не ограничился. Оценить первоклашку в качестве ценного приобретения в роли рукопожатного знакомого компания смогла только после того, как я несколько раз в замедленном темпе показал свой коронный пинок в центр голени. Потом я продемонстрировал, как лежа на спине можно через эту болевую точку ножным захватом свалить более тяжелого противника. Пришлось, пачкая спину на выгоревшей траве, по очереди валить всех. Всех, кроме Ахмета, который, выступая в роли последнего клиента, просто выпрыгнул из захвата моих ног горным козлом. Это также явилось предметом оживленной дискуссии. А когда я на примере Вани-Сани показал, как можно «закрутить» сразу двоих противников, нападающих с двух сторон, – стал своим. Ценным и интересным своим.

– Горело у вас вчера? – Хома в движении покровительственно кладет мне руку на плечо, и получается, что я нахожусь в самом центре компании.

Мать, идущая сзади с отцом и Василием, конечно, наблюдает эту картину. Значит, вечером будут тревожные расспросы.

– У нас. Придунок один «свистулю» запускал.

– Знаешь кто? – Это Юрась.

Неужели меня еще до сих пор на вшивость проверяют?

– Знаю, – коротко отвечаю и замолкаю.

– Ну и кто? – Это Хома не может удержаться от некорректного вопроса.

Святая простота.

– Дед Пихто, – стряхиваю с плеча его руку, тем более что идти так не совсем удобно, приходится семенить ногами, чтобы сравнять скорость, – и бабка Тарахто, та, которая с пистолетом.

Пацанам весело. Хома тоже ржет, совершенно не обижаясь. Юрась поднимает с дороги камень и по крутой траектории забрасывает его в сторону Скалок.

– Послушай, Витек. Ты этому «пистолету» передай: видели его в Родькином дворе...

Я представил себе мечущегося Трюху в месте, где ему появляться физически небезопасно, и сообразил, что те, кто его видел во время пожара, легко могут сложить два плюс два.

– ...А еще раз увидят – ноги переломают.

Мне сразу вспомнилось, как мой папа потрясает грязным кулаком воздух.

– Само собой. Ну, отдохайте.

– Постой, Витек. Мы через неделю в поход идем, к Графским развалинам. Айда с нами! – Юрась ходит в секцию на станции юных туристов и подтягивает туда всех своих корешей.

– Бабы будут? – с серьезным выражением лица спрашиваю я.

Опять ржут. Как им мало нужно для веселья в этом возрасте!

– Будут, будут... если допрыгнешь.

– Ладно, юмористы, посмотрим... Бывайте!

Останавливаюсь и жду своих.

Пацаны, не прекращая смеха, на ходу начинают по очереди швырять камни в сторону дикого пляжа.

Наверное, мама права в том, что запрещает мне ходить на Скалки.

И все-таки как же я соскучился по морю!

По умолчанию я в этом возрасте плаваю плохо. Поэтому моя зона купания – в «лягушатнике», на пятачке возле пирсового сооружения, где мелко и где уже кишмя кишит куча-мала карапузов всех мастей.

Ага, сейчас.

Поплескавшись минуту на мелководе для отвода глаз, я ныряю и под водой добираюсь до железных балок пирса, густо усыпанных мидиями. Будем считать, что я вылез на берег и гуляю по пляжу.

Море – это мое все! Не могу представить, как это «не уметь плавать»? Научите.

Лежу под пирсом на спине и балдею. С дощатого помоста с гиканьем и воплями прыгают пацаны постарше. Скидывают визжащих и сопротивляющихся девчонок, которым очень хочется, чтобы их скидывали. Некоторые храбрецы забираются на надстройку «моста» (так мы называем этот разбитый пирс) и демонстрируют свою удаль, ныряя в воду с десятиметровой высоты.

Справа по берегу вдаль – карусель парусов. В основном – плоскодонки «Оптимисты». Там находится городской яхтклуб. Среди парусной мелкоты мелькают чванливые «Финны» и юркие «Летучие голландцы». Так и не собрался я в той жизни заняться парусным спортом. Увлёкся дзюдо, бросив спортивную гимнастику. А вот на паруса до сих пор смотрю с восхищением и легким чувством зависти.

Почти рядом в водную гладь с громким всплеском врезается чье-то тело, подняв тучу мелких брызг.

«Бомбочкой», – отмечаю я про себя, резко отвернувшись от летящей в лицо воды и спешно отгребая под мост.

– Витек! Давай к нам! – Это Ахмет.

Шайтан! Я, не поворачиваясь, машу ему рукой. Не поворачиваюсь, потому что взгляд прикован к трещине в основании пирса, сложенного из бутового камня.

Там что-то есть. Что-то инородное пляжно-морскому антуражу.

Хочу подплыть поближе, но замечаю движение сверху, с обратной стороны моста. Там свесились чьи-то ноги. Нырять кто-то собрался? Сумасшедший! Там никто не прыгает – на дне арматура и куски бетона. Там даже никто не плавает, мертвая зона. Крикнуть?

Ноги разворачиваются коленями ко мне, кто-то спиной к воде встал «в упор» на руки. Ну, сейчас переломает вот эти самые ноги. Фигуристые такие. Ноги.

Ноги? Скорее... ножки! Человек рывком переходит в вис на руках и оказывается крепкой, плотно сбитой девушкой в черном открытом купальнике, лет двадцати пяти, с кудряшками до плеч и маленькой грудью.

Я без всплеска погружаюсь с головой и прячусь за сваю.

Девушка, перебирая руками по деревянному настилу, приближается к бутовой опоре. Потом, ухватившись одной рукой за какой-то штырь, ловко приземляется на незаметный снизу уступчик в камне. Запускает руку в трещину и достает оттуда небольшой пакет в целлофане, размером с книгу. То, что и привлекло прежде мое внимание. Пакет засовывает сзади за резинку трусиков, мелькая незагорелой полоской кожи. Таким же макаром возвращается наверх.

Ловко! И что это значит? Что за девичьи секреты?

Девушка, к слову, некрасивая. Унылое, какое-то щекастое лицо. А вот фигурка в норме! Явная спортсменка. Слегка икры перекачаны. Видимо, поэтому я по ногам сразу пол и не определил.

Гребу в сторону «лягушатника», выбираюсь на берег и ищу глазами щекастую спортсменку.

А той и след простыл.

Странно все это...

Любители пляжного отдыха прекрасно знают, какой это труд – отдыхать на море.

Отдохнувшие и измученные, мы всем семейством вползаем во двор. А во дворе – что-то не так, что-то неблагоприятное происходит. У среднего дома – «рафик» «Скорой помощи», желтый «козел» милиции и возбужденно гомонящая толпа, к которой мы тут же присоединяемся, забыв о пляжной усталости.

Выясняется, что жильцы одной из квартир после обеда озаботились тишиной в комнате соседа, вскрыли дверь и обнаружили пропажу в мертвом состоянии в собственной постели. Диагноз, который метался по толпе, – инфаркт и его разновидности: «острая сердечная недостаточность», «грудная жаба», «тепловой удар», «с перепугу умер», «пить меньше надо» и «все там будем».

Комната, кстати, была из моего сумеречного списка! С прицелом на вчерашнего огнеборца.

Я насторожился.

Прибавшись к группе, отстаивающей версию «тепловой удар», я легко выяснил, что некто Данила, живущий в искомой квартире, получил фатальные повреждения вчера на пожаре (!) в виде необратимых термодинамических явлений в организме, когда вытаскивал из горящего сарая дорогие его памяти вещи.

Сам Данила жил один в комнате, которую ему выделил стройтрест, где он работал то ли бухгалтером, то ли кладовщиком. Тут версии расходились. Еще шире разброс вариантов был в определении священных для памяти реликвий, ради которых Данила отдал свою относительно молодую жизнь, – от царских денежных знаков и немецкого золота до облигаций внутреннего займа шестьдесят шестого года.

Группа с диагнозом «с перепугу умер» новой информации не дала. Отмечалось лишь, что Данила очень уж неважно выглядел после спасения своего чемодана, содержимое в котором, вероятно, пострадало и принадлежало, скорей всего, не самому Даниле, а воровскому общаку, – вот он и перепугался до смерти.

Насчет пострадавшего содержимого я был почти солидарен, а гипотезы толпы о принадлежности искомого наводили на очень интересные размышления.

Единственное, в чем единодушны были все присутствующие, – о насильственной смерти и речи быть не могло, телесных повреждений медицина не обнаружила, «ментам тут делать нечего», «такой молодой, как жалко», «жить бы да жить».

Очень, очень любопытно. Я нашел тебя, птица феникс...

Только вот картина понятнее не стала.

А зачем, действительно, приезжала милиция?

Глава 7

Всевидящее око

– Караваев! – Лариса Викторовна ловко выхватила меня за руку из стайки пробежавших мимо гардероба первоклашек. – Витя! Давай заправимся. Приведем себя в порядок. Сейчас пойдешь со мной, Витя. У тебя какой сейчас урок? Чтение? Ну не страшно. Ты же хорошо читаешь? Лучше всех в классе. Твоя учительница тебя хвалит.

«Чего она мне зубы заговаривает?» – озадачился я, ненавязчиво подталкиваемый завучем в сторону лестничной клетки, ведущей на второй этаж школы.

– Мариночка! – Теперь Лариса Викторовна свободной рукой тормознула председателя школьной пионерской дружины, миловидную толстушку с огромным пионерским галстуком на шикарной груди соответствующего размера. – Сходи, милая, в первый «А», передай Валентине Афанасьевне, что Караваев у меня, пусть не волнуется, я скоро зайду...

«Почему «я» зайду? Почему не «мы» вернемся?» – подумал я.

Становилось интересно. Меня что, уже куда-то пристроили?

Вот и кабинет директора. Я почему-то так и думал.

– Можно, Вера Семеновна? – Лариса Викторовна без стука открыла дверь.

Значит, ждали.

– Проходи, Витя, не бо... – осеклась. – Проходи.

– Проходи, Караваев, проходи, – подхватила директор.

Мантру, что ли, они наговаривают? Это еще посмотрим, кто здесь кого боится.

Лариса Викторовна заходить не стала, осторожно закрыла дверь за моей спиной.

В кабинете директора был посетитель. Кроме меня, разумеется. Пухленький дядечка средних лет в серых штанах, бирюзовой рубашке без галстука и в летних полотняных туфлях легкомысленного голубого цвета. Он сидел справа от директора, на одном из поставленных в ряд у стены мягких стульев. Внимательно разглядывал меня, лучась доброжелательностью и счастьем. До приторности.

Вера Семеновна, вопреки своей комплекции, мотыльком выпорхнула из своего директорского кресла и отодвинула один из стульев у совещательного стола.

– Садись, Витя. Нет, подожди, давай сначала снимем ранец. Садись, не стесняйся.

«Чего они все дергаются?» – мелькнуло в голове.

Хотя... Чего тут неясного?

Я сел. Руки, как положено, по-школьному сложил на столе. Спину выпрямил, подбородок приподнял – хоть картину пиши. «Образцовый первоклассник» называется.

Дядечка полюбовался на меня с чуть заметной улыбкой, удовлетворенно кивнул и потянулся за папкой, которая лежала на стульях рядом. Покопавшись, достал какую-то газету и, ловко соскочив со стула, расправил ее на столе передо мной, не забыв перевернуть текстом в нужную сторону.

Так, вчерашняя «Правда». Старая добрая «Правда», два ордена Ленина слева, «Пролетарии всех стран соединяйтесь», «Газета основана...», «Орган Центрального Комитета...», номер, дата, «Цена 3 коп.». Недорого.

Я хрюкнул.

– Что, Витя? – Дядечка оживился.

Я показал пальцем на муравья, присохшего в левом верхнем углу газеты. Дядечка поморщился.

– Вот здесь, прочитай, пожалуйста. – Он ткнул пальцем-сарделькой в заголовок переделки.

Я с шумом втянул воздух и начал представление:

– За-я-вле-ни-е, – шумный вдох, – Со-вет-ско-го...

Дядечка недоуменно посмотрел на директора. У Веры Семеновны кровь медленно отливала от застывшего лица. Глаза начинали превращаться в две зловещие щелочки – известная примета! Всей школе, между прочим, известная.

– Караваев!

– ...Пра-ви...

– Вы ничего не напутали, Вера Семеновна?

Шлепок ладони по директорскому столу. Звякнула ни в чем не повинная чернильница.

– Караваев! Хватит валять дурака!

– ...тель-ства! – бодро закончил я. – Фу-у!

Разве что пот рукой со лба не вытер.

Поднял глаза на пухлое создание в голубой рубашке.

Ну вот – лживого доброжелательства как не бывало. Растерянность, задумчивость, досада, какие-то догадки, предположения, оцепенение, опять растерянность – как в калейдоскопе. Что угодно, только не слащавое благодушие.

Теперь можно и пообщаться.

– Я готов говорить с вами, – медленно, с расстановкой произношу и с удовольствием наблюдаю, как лживый мужичок слегка вздрагивает. – Только один на один. Без посторонних.

В его глазах мелькает страх. Будто присохший к газете муравей заговорил человеческим голосом. Да, с выдержкой у вас, товарищ, не все в порядке.

Мы синхронно переводим взгляд на Веру Семеновну.

Соляной столб!

Красивая все-таки женщина. Величавая русская красота. Даже в оцепенении прекрасна. Она вдруг с шумом отодвигает кресло, встает и решительно выходит из кабинета. Без особого приглашения.

Вот так. Я поворачиваюсь к мужику:

– Вы не представились.

Он судорожно сглатывает.

– Мои данные вам известны. Мне ваши – нет. Я слушаю.

– Стар... Кх... Кх!.. – Ну откашляйся, откашляйся, прочишь горлышко. – Старший оперуполномоченный Комитета государственной безопасности СССР капитан Гришко Степан Андреевич.

Ни фиги себе, «старший», какая честь!

– Степан Андреевич, присядьте.

Да что он на меня вылупился, как на говорящую мартышку? Хотя понять его можно. Глазами видит малявку-первоклассника. А ушами слышит что-то невообразимое. Наверное, мало кто из ныне живущих организмов так с ним разговаривает.

– Вам удобнее общаться стоя?

Плюхнулся на стул напротив. Жалобно скрипнули пружины.

– Так вот, товарищ капитан государственной безопасности, – специально называю его старинным званием времен Великой Отечественной, – я готов сообщить о каналах связи, по которым мне стала доступна информация о событиях в Чили. Вас ведь это интересует? – Я похлопываю рукой по газетной передовице. – Вот только прежде мне необходимо встретиться с вашим руководством. Негласно. Предлагаю продолжить беседу на улице Ленина. Непосредственно в вашей конторе.

Откидываюсь на стуле, складываю руки на груди и пристально смотрю ему в глаза.

– Только пешком я туда не пойду. Ребенок, знаете ли...

Несмотря на относительно солидный чин, Степан Андреевич прибыли-с в школу на троллейбусе.

Фи, какой моветон!

На трафике я могу и без него покататься. Вот хочу на машине с ветерком – так вынь да положи! Капитан даже быкануть попробовал. Типа «сопляк, с кем разговариваешь...». Шоу под названием «Гэбня показывает окровавленные клыки свои».

Сопляк, говоришь? Ты даже не представляешь, насколько ты прав!

Прервав его гневную чекистскую тираду, я вдруг оглушительно, во весь голос заревел. Со вкусом, натурально, со слезами и соплями. Легко так получилось. Видимо, детскому организму тоже несладко приходится. Каково это – носить в себе взрослое изуверское сознание?

А когда услышал топот ног за дверью, свалился на пол и, указывая рукой на оторопевшего «злодея», стал отползать в дальний угол комнаты по директорской ковровой дорожке. При этом вставляя между плаксивыми руладами что-то вроде: «Не надо... Дяденька, не бей... Больше не буду...».

Вот такую картину и зафиксировал ворвавшийся в кабинет высший педагогический состав школы. Отвратительную, скажем прямо, картину. Скандал заминали долго. Успели и машину вызвать, которую я вождедел, и школьного медика, задолбавшую меня своей ваткой с нашатырем.

А когда в этой карусели мы с капитаном опять случайно остались один на один, я, резко прервав судорожные всхлипы, спокойным голосом спросил: «Еще вопросы есть?» И тут же захлюпал опять, так как надолго нас одних уже не оставляли.

Таким образом, на «Волге» зловещего черного цвета я все-таки прокатился.

Очередная мелкая и ненужная победа.

Но самолюбие потешила.

Глава 8

На черной машине

Мы внимательно рассматривали друг друга.

Я искал, к чему придраться. Хотя бы по внешним признакам – в плане возможной антипатии.

И не находил.

Стройный подтянутый мужчина лет сорока. Костюм, галстук, темно-серая рубашка, черные туфли – все обыденно, без вызова, но сидит как влитое. Невыразительное худое лицо. Чуть усталое, незагорелое. Красавцем не назовешь. Серые спокойные глаза. Умные. Смотрит не мигая. Эмоций – никаких. Просто смотрит. Как на табурет. Мне почему-то это нравится.

Упрямо молчу и не отвожу глаз.

– Что вы хотели нам рассказать?

Еще два плюса ему в кассу.

Во-первых, после длинной паузы сам начал разговор.

Во-вторых, обращение на «вы» к ребенку. К первокласснику. Он мне все больше и больше импонирует.

Встаю, отодвигаю ближайший к его письменному столу стул и плюхаюсь на жесткое сиденье. Черт, ноги до пола не достают. Неудобно.

– Сергей Владимирович! Хочу задать вам один очень важный вопрос. Как бы вы объяснили тот факт, что ребенок в возрасте семи лет запросто оперирует сложными логическими построениями, без усилий формирует комплексные умозаключения и держит в своей голове такое количество информационных посылок, что не всякий взрослый сможет их запомнить, даже при значительном усилии с его стороны?

Молчит.

Действительно ищет ответ на вопрос.

– Наверное... гениальность. Физиологическая аномалия, – говорит задумчиво.

– Очень хорошо, Сергей Владимирович, что вы первый произнесли это слово. АНОМАЛИЯ. Приблизительно так я это и расцениваю. Причем наступившая в дискретной форме. Скачкообразно. После экстремального воздействия на детскую психику в момент дорожно-транспортного происшествия. Позавчера. В тринадцать пятнадцать по московскому времени. Напротив школы номер четырнадцать по улице Льва Толстого. Вы легко это можете проверить через свидетелей. Автомобиль «Москвич-433», фургон желтого цвета. Водитель – женщина лет тридцати, рост сто шестьдесят пять – сто семьдесят, среднего телосложения, в зеленой униформе. Мне бы не хотелось, чтобы она пострадала. Я ей благодарен. До момента моего соприкосновения с машиной я был абсолютно нормальным средним ребенком.

– А сейчас вы считаете себя ненормальным ребенком?

Поймал! Ох непрост...

Я сделал вид, что задумался, и якобы устало потер переносицу.

– Ну-у... Скорее – аномальным. Дело не в терминологии. Скорее – в расширенной сфере возможностей. Это легко проверить.

– Я вас понял. Мы проверим.

– Проверяйте. Слегка забегаю вперед – не стоит подключать для более глубокой проверки моих способностей Четырнадцатое управление. Ни вам, ни мне научные изыскания моей шкурки под сотней микроскопов в кругу высоколобых академиков удовольствия не

доставят. При желании я легко стану обычным ребенком, и ваши академики разобьют свои высокие лбы. Если хотите, проверяйте в полевых условиях.

– В полевых? Что вы имеете в виду?

– Попробую объяснить. Дело в том, что мне скучно...

– Я вас не понял, Виктор Анатольевич.

– Точнее – мне скучно быть ребенком, Сергей Владимирович. Сидеть за партой, общаться со сверстниками, учиться писать палочки в прописях. Я без труда могу сдать выпускные экзамены на получение аттестата о среднем образовании, учиться в высшей школе, получать ученые звания в сопловом возрасте. Удивлять людей. Только я не хочу быть чудесной говорящей обезьянкой на потеху публике. Взвесив все «за» и «против», я пришел к выводу, что единственное мое рациональное применение – это полевой агент в вашей конторе. Агент под идеальным прикрытием своего возраста.

Я замолчал.

Сергей Владимирович скептически разглядывал свои руки, замком лежащие на крышке стола. Руки бойца со сбитыми костяшками и еле заметными шрамами.

Он посмотрел на меня:

– Чили?

Я молча вытащил из кармана расплавленную кассету и положил перед ним.

– Информация от человека, которого звали Данила, – соврал я. – Он мертв. Рекомендую провести анализ тканей усопшего на предмет наличия спецдов. Адрес его последнего проживания я дам. Как видите, мне легко усыплять бдительность даже у профессионалов. А он, скорее всего, был законспирированной связью с резидентурой иностранной разведки. По крайней мере, косвенные данные на это указывают.

Сергей Владимирович внимательно рассматривал кассету, не притрагиваясь к ней. Потом вопросительно поднял глаза на меня.

Я его понял.

– Вас заботит, как я вышел на Данилу? Все детали я подробно обрисую вам (придумаю что-нибудь правдоподобное), но только чуть позже. Сейчас меня интересует ваше принципиальное решение и детали моей легализации. Разумеется, вам нужно время для согласований с начальством. Предлагаю встретиться завтра на нейтральной территории. Мои сегодняшние эскапады в школе – суть проявления скучающего потенциала. Не думаю, что впредь будет уместной подобная демонстрация силы, которой я сегодня несколько огорошил милейшего Степана Андреевича. И дальнейшие контакты разумнее будет осуществлять с соблюдением ряда соответствующих норм осторожности. Я не прав?

Собеседник думал недолго.

– Дворец пионеров. Завтра. Пятнадцать ноль-ноль. Секция детской спортивной гимнастики. Раздевалка. Правое окно.

– С вами приятно иметь дело. – Я встал и направился к выходу из кабинета.

– Вас довезут до школы... на черной машине.

Мне показалось или все же это была ирония?

Глава 9

Сейчас будет тебе чай

Какая же все-таки это интересная штука – Колесо Судьбы.

Фатальное колесо, иначе и не назовешь.

Сначала каким-то фантастическим вихрем занесло меня в мое же собственное детство. А теперь перед носом мелькают те же самые, до боли знакомые спицы-обстоятельства.

А ведь в прошлой жизни я ходил именно в эту гимнастическую секцию во Дворце пионеров! И как раз в первом классе. Правда, во втором полугодии. Не мог об этом знать кагэбэшник! Ну никак. А встречу назначил именно там.

Вот ведь как интересно получается!

Катится колесико по накатанной колее...

Матери я выложил версию об отборе первоклассников в спортивный кружок, который проводили работники Дворца пионеров прямо на уроке физры. Понравился якобы только один я. И теперь завтра после уроков к трем часам я должен быть на тренировке – с чистыми трусами, белой майкой, чешками и полотенцем. Об этом «джентльменском наборе» я помнил по прежним своим занятиям. Пришлось кстати.

Любопытно, что ведь именно мать тогда, в моем настоящем детстве, предложила мне заниматься спортивной гимнастикой, впечатлившись размахом летней Универсиады-73. К тому же она обожает Юрия Титова, легендарного гимнаста тех времен. Так что идея физического развития ребенка легла на благодатную почву. Тем более что Титов закончил свою спортивную карьеру как раз в год моего рождения. Почему бы сыну не подхватить эту триумфальную палочку блестящей эстафеты?

Была только легкая накладка с чешками, но проблема разрешилась скорой и целенаправленной вылазкой в магазин. Стремительной, как тройное сальто назад в группировке в соскок.

И уже на следующий день без пятнадцати три мы с матерью были рядом с великолепным зданием Дворца пионеров на проспекте Нахимова.

Это был шедевр архитектурного искусства!

Изящный, воздушный, с высокими колоннами и скульптурными композициями детей на фронтоне, держащих в руках горны и самолетики. Когда в свое время эти гипсовые пионеры исчезли с верхушки здания в пылу борьбы независимой Украины с проклятым советским прошлым, я, помню, испытал чувство острой обиды и разочарования. Чуть ли не до слез. Будто варварским тесаком отхватили кусок моего детства.

Теперь же я вновь стоял перед прежним Дворцом пионеров и, улыбаясь, глядел на верхушку здания. Там, в небесной синеве белоснежные пионеры запускали планер, горнист трубил в горн, а каменные девчонки в каменных ситцевых платьицах просто радовались жизни.

Я зажмурился от счастья. Кто решил за меня, что мое советское детство было проклятым? Спасибо тебе, неведомая фатальная круговерть, сумасшедшее колесо фатума, хотя бы за эти мгновения...

В огромном холле, выложенном красной декоративной плиткой, слева у стойки гардеробной ниши нас встретила симпатичная девушка в темно-сиреновом спортивном костюме и свистком на груди.

– Вы на гимнастику? Я вас провожу.

По широкой центральной лестнице из белого мрамора мы поднялись на второй этаж.

– В этом году у нас прием мальчиков на спортивную гимнастику у Алферова. А девочек набирают в секцию художественной гимнастики. Родители обычно путают спортивную и художественную. Тем более что тренируемся в одном зале. Вход вот здесь, справа. Раздевалки – дальше по коридору слева. Разберетесь?

– Спасибо. Разберемся. – Мама с интересом крутила головой вокруг.

Все было празднично и нарядно. Солнце заливало широкие коридоры ярким светом из многочисленных ажурных окон задней ротонды. От многочисленного никеля и меди кругом весело плясали солнечные зайчики.

Девушка не уходила.

– Когда познакомитесь с тренером, вас, мама, я попрошу спуститься вниз к администратору. Заполним документы. Хорошо?

– Да, да! Конечно.

Гимнастка упорхнула по лестнице вниз.

А я уже тянул на себя тяжелую лакированную дверь с надписью «Мужская раздевалка». В пустом просторном помещении, заставленном по периметру деревянными шкафчиками, у правого огромного окна с подоконником на уровне щиколотки спиной к выходу в ярко-красном спортивном костюме стоял Сергей Владимирович.

Не соврал.

Маме все понравилось просто невероятно.

Вежливый и обходительный персонал, строгий, внушающий трепетное уважение тренер, серьезные дисциплинированные дети в одинаковых трусах и майках.

И в чешках!

А какой спортзал! Кольца, брусья, трамплины. Шведская стенка по периметру, маты, огромный спортивный ковер для вольных упражнений.

Мама смотрела с восхищением и легкой грустью в глазах. Я бы назвал даже это «белой завистью». В ее суровом послевоенном детстве такой роскоши не было. Ей очень хотелось попристутствовать на тренировке, на что последовал очень вежливый, но твердый отказ. Правила, знаете ли...

Через два часа маме было предложено вернуться за ребенком. И в следующий раз, в четверг, самой ей приходиться оказалось не обязательно. Автобус Дворца пионеров собирает детей прямо из школьных дворов. В четырнадцать тридцать.

Я мысленно почесал в затылке. Вообще-то раньше такого не было. Это что, специально для меня? Или реальность смещается в сторону приоритетов детства и материнства?

Маму выпроводили.

Где-то с полчаса в стайке беломаечных сверстников я занимался самой настоящей разминкой, изредка бросая выразительные взгляды на Сергея Владимировича, который как ни в чем не бывало выступал в роли тренера. И, надо признать, делал это безукоризненно.

Потом появился другой тренер. Постарше и потолще. Он продолжил тренировку, а Сергей Владимирович, чуть заметно кивнув мне, направился вглубь зала за высокую стопку аккуратно сложенных матов.

Улучив момент, я по возможности незаметно вышел из строя будущих спортсменов и скользнул в ту же сторону. В закутке за «матовой» горой одна из секций шведской стенки оказалась дверью! И этот портал был маняще приоткрыт, приглашая к соответствующему действию. Я шмыгнул туда.

Вот это да!

В помещении площадью раза в четыре меньше, чем основной спортзал, был настоящий «треник» для боевых искусств!

Сильно потрепанный, но крепкий татами. Зеркала на всю стену. Висящие у противоположной стены разнокалиберные боксерские груши. В углу – макивара, доска с мишенью для метания ножей, полки с холодным оружием, мешки-манекены для бросков, железо, снаряды. Все размещено компактно, рационально и со вкусом. Даже зона отдыха есть со шкафчиками, угловой лавочкой, за которой угадывался вход в малюсенький санузел с душевой кабинкой.

Сергей Владимирович сидел на кухонном «уголке» и что-то черкал в блокноте на журнальном столике. Одновременно он ровно и спокойно выговаривал какую-то претензию той самой девушке, которая нас встречала.

Гимнастка? Когда она сюда проскользнула?

Заметив, что я вошел, девушка встала и прошла мимо меня к выходу, приветливо при этом взъерошив мои волосы.

«Мне тоже очень приятно...» – подумалось.

– Проходите, Виктор Анатольевич.

Я обошел татами, стараясь не задеть его ногой, плюхнулся на лавку сбоку от Сергея Владимировича. Сто пудов он заметил мое проявление неписаного этикета к «месту, которое делает нас сильными». А вот виду даже не подал, зараза.

– Предлагаю перейти на «ты», – говорит ровным голосом, продолжая что-то писать в блокноте.

– Валяй!

Быстрый взгляд в мою сторону. Прекращает писать, свободно откидывается на спинку.

– Тебе нужен псевдоним.

– Это означает, что мое предложение принято?

– Это означает, что тебе нужен псевдоним. Какой бы ты выбрал?

Чурбан. Но он мне нравится.

– Да без разницы. Пусть будет Старик. Достаточно лаконично.

– Мой позывной – Пятый. У Ирины, которая только что вышла, – Сатурн. Она твой координатор. По совместительству – психолог, педиатр, травматолог, шифровальщик и... да ладно. Достаточно и этого. Связь через нее. Оговорим позже.

– Продолжай.

– Твой инструктор – Козет, Сан-Саньч. Второй тренер детской секции. Сейчас подойдет. Он действительно тренер. В штате Дворца пионеров. В свободное от персональных занятий с тобой время будет растягивать шпагаты детворе.

«Первый юморок. С почином, Пятый! Можно и обмыть».

– По легализации. В школе сидишь первый урок. Не умничаешь, не задираешься, лишнего не болтаешь. Экстренная связь – завуч, Лариса Викторовна.

«Почему-то я так и думал».

– Она легендирует твое отсутствие, обеспечивает записи в журналах, оценки в дневнике, выполнение домашних заданий и так далее. Для одноклассников – со второго урока ты продолжаешь обучение в спортивной школе-интернате. Растим из тебя олимпийский резерв.

«Браво! Еще одна ха-хашечка. Нормальный мужик!»

– На первой перемене выходишь через запасной выход у футбольного поля, дальше по улице Рябова направо к парку на Гамарника, в парке у детского сада – контакт с Сатурном, координация дальнейших действий. У нее транспорт. Штатно – сюда в спортзал через черный ход. Нештатно – как бог на душу положит.

«Нервничает, – сообразил я, – поэтому и юморит. Учтем на будущее».

– Нужно объяснить твоей маме, что тренировки в спортивном кружке будут не два раза в неделю, а ежедневно. Придумаешь как. Каждый день в четырнадцать тридцать возле санэпидстанции на Коммунистической тебя будет ждать «пазик» Дворца пионеров, с табличкой «СДП». Или Сатурн со своим транспортом. С пятнадцати ноль-ноль до шестна-

дцати ноль-ноль официально занимаешься гимнастикой в секции. Одеваешься, выходишь, заходишь через черный ход сюда, продолжаешь тренировки. Домой к девятнадцати ноль-ноль. Лариса Викторовна залегендирует твоим родителям версию продленного учебного дня. С приемом пищи. Бесплат-но.

Последнее слово он подчеркнул. К чему бы это?

– Ты, кстати, есть не хочешь?

– Чай, наверное.

– Ирина сделает, – глянул на часы, – через три минуты.

– Думаю, уложимся.

Чуть дрогнул уголками губ.

– Связь, – вырвал листок из блокнота, протянул мне. – Четыре телефонных номера по степени важности. Первые два – диспетчер, третий и четвертый – выход на меня. Или...

– На кого?

– ... Не суть важно. Первый и третий номера – открытые, без защиты. Второй, четвертый – через ЗАС. Кстати, знаешь, что это такое?

– Засекреченный аппарат связи. Ключ, смещение, прерывание... Не надо отвлекаться, Сергей Владимирович. Чаю больно хочется.

Уже почти улыбнулся.

– Экстренный контакт через милицию. Назовешь шифр в дежурной части и кодовое слово, – еще один листок вырвал, передал мне. – Запоминай и давай сюда.

– Это все?

– На самое первое время... все. А так – далеко не все.

В зал вошла Ирина-Сатурн. Одновременно с этим в санузле звякнуло, и в дверном проеме появился моложавый коренастый мужчина в голубом спортивном костюме. За его спиной на голову выше маячил слоноподобный увалень в летней парусиновой двойке цвета «хаки», лысый и в очках.

– Сейчас будет тебе чай.

Прозвучало зловеще...

... Чуть позже я понял почему.

Замурыжили!

Другое слово и на ум не приходило.

Дядя-слонопотам, которого звали Аароном Моисеевичем, оказался какой-то крупной величиной в научных кругах в вопросах генетики-физиологии-биохимии. На пару с Ириной они меня мяли, измеряли, прослушивали, прощупывали, рассматривали все отверстия. Даже те, в которые я сам при всем желании не смог бы заглянуть. Мне сгибали-разгибали конечности, хрустели моим позвоночником, заставляли приседать и лепили на тело холодные присоски.

Потом начали задавать вопросы.

Обо всем на свете – вразброс. Блиц-методом, по принципу «да – нет». Легко определяя вопросы-ловушки, так называемые «индикаторы лживости», я с любопытством обнаружил фрагменты психологического теста Айзенка, потом мелькнул Люшер, а на «сладкое» – стали бомбить меня определителями акцентуаций Леонгарда.

Это значит: тестируются интеллект, психологическая сопротивляемость и особенности характера. Сугубо прикладной интерес. Плюс вкрапления вопросов «на вшивость» – об отношении к частной собственности, об осуждении сталинизма и так далее.

Неглупо. Очень даже неглупо. Если учесть, что присосок с моего тела после снятия кардиограммы как бы случайно не сняли. У них что, еще и детектор лжи есть?

Поневоле зауважась.

Во время моего тестирования Сергей Владимирович и моложавый мужчина, оказавшийся тем самым Козетом, моим будущим инструктором, лениво топтались друг перед другом на татами.

Спортивные костюмы они сняли и облачились в куртки для самбо, оставаясь при этом в семейных трусах, которые условно можно было принять за спортивные. У обоих на головах шлемы, на руках – перчатки с отверстиями для пальцев.

Отвечая на вопросы, я рассеянно наблюдал за ними.

Что за ерунда? Отдаленно похоже на спарринг. Но что за неуклюжие движения? Где боевые стойки, где защита? Где «вертушки», «маваши»? Где, в конце концов, обыкновенные человеческие удары? А где блоки с фиксацией, опережения, финты, противоходы?

Я присмотрелся повнимательней.

Козет переминался с ноги на ногу, выписывая телом несуразные «восьмерки», которые отдаленно напоминали зародыши боксерских уклонов. Руками лениво покручивал перед собой, будто веревку на себя тянет. Изредка мах той или иной руки становился длиннее по амплитуде, и кисть вместе с очередным неуклюжим шажком ног будто невзначай летела в сторону противника.

Это что? Удары такие?

Сергей Владимирович, похоже, изображал медведя. Лично у меня именно такая ассоциация родилась, когда смотрел на его покачивания на сведенных внутрь стопах. Руки вообще опущены вниз. И вывернуты так, что костяшки указательных пальцев почти соприкасаются.

Боже, уродство какое! Медведь, да и только! Когда Козет расслабленной кистью, будто плетью, пытался достать его шею, Пятый лениво отмахивался, будто мишка от пчел, а то и просто вжимал голову в плечи, не поднимая рук.

И вдруг... я не поверил своим глазам!

Как это? Козет лежит на татами.

Одним движением руки Сергей Владимирович нанес противнику сразу три удара.

И как! Я попытался воспроизвести в памяти то, что увидел.

Так. Значит, очередной раз «медведь» левой рукой отмахивается от нападения, потом неожиданно, пользуясь своей же собственной инерцией, делает вперед длинный шаг правой ногой. Одновременно по широкой дуге правой рукой делает что-то похожее на боксерский свинг, по касательной как бы «чиркая» по солнечному сплетению Сан-Саньича краем кулака. Не останавливаясь, локтем этой же руки врезается ему в область сердца и без малейшего промедления, используя локоть как опорную точку, кулаком этой же руки наносит обратный удар в голову.

Одно слитное молниеносное движение. И сразу три удара по болевым!

Сан-Саньич успевает подставить мягкую накладку шлема, обтягивающую лоб. Но все равно падает от сокрушительного удара и подтягивает колени к животу.

Больно...

А может быть, Пятый специально целил в лоб, ведь я прекрасно отдавал себе отчет в том, что таким ударом, тем более по такой траектории, можно запросто вбить осколки носового хряща в мозг человека.

Ну и ну! Похоже, вовсе и не ерунда...

Спарринг продолжался.

Я уже откровенно глазел на бойцов, не замечая того, что вопросов мне уже не задают, а толстяк с Ириной с улыбкой наблюдают за моей реакцией.

Козет быстро очухался и сменил тактику.

Часто семеня ногами, будто изображая бег на месте, он вьюном крутился вокруг Пятого, то подпрыгивая, то низко приседая, то отскакивая в сторону. Появились удары

ногами. Невысокие. Короткие и скользкие, до уровня колена. Руки замелькали, как крылья мельницы.

И опять – ни одного классического боксерского удара. Какой-то несуразный вихрь. Круговерть наскоков и отскоков.

Сергей Владимирович тоже ускорился. Такое ощущение, что он ловит закономерный ритм в нападении соперника. А соперник этот ритм постоянно ломает, не дает слиться с собой. Такая иллюзия, что они оба – половинки единого целого. Взмах – отмах, прыжок – отскок, левой-правой, левой-правой...

Завораживает. Надо отдать должное, движения были красивыми, как танец. И смертельными. Это я тоже постепенно начал понимать.

Вот расслабленные пальцы плеткой хлещут по глазам – Пятый прогибается назад в пояснице, вот тычок снизу вверх в область кадыка – противник резко отпрыгивает в сторону и чуть-чуть вперед, пытаюсь сократить дистанцию, и на этом движении Козет его подлавливает.

Тоже прыжок вперед и вправо, зеркально. При этом успевает зацепиться левой рукой за куртку соперника и, продолжая крутящий момент его тела, просто подставляет ногу.

Передняя подсечка.

Но с элементами айкидо, так как Сан-Саньч исхитряется сильнее закрутить падение врага захватом за шею. Опасным, надо сказать, захватом, потому что сам при падении оказывается сверху, обрушивая вес своего тела на скручивающий момент силы в области шеи противника. И видно, как в самый последний миг он этот захват отпускает, приземляясь на свой собственный локоть.

Опять больно. Ему же.

Потирая руку, встает. Помогает встать Пятому.

– Ну как, Старик? Понравилось? – Даже не заметно, что Сергей Владимирович запыхался. Покраснел только слегка и вспотел.

Я киваю.

Он подходит, садится рядом и вытирает лицо полотенцем.

– А теперь, дружок, ответь на мои вопросы. Для начала – как ты вышел на Данилу?

Вот тут меня и замурыжили...

Глава 10

Не нравится мне эта ситуация

Как мало мы ценим свое детство!

Точнее, как по-детски легкомысленно стремимся стать взрослыми! Безоглядно спешим окунуться в мир проблем и забот, накрутить на себя вериги обязанностей, ответственностей, нехватки времени, денег, здоровья.

Какое ребячество! Глупые и бестолковые дети несутся к взрослой жизни как мотыльки на пламя. Потом, опалив крылья и возмужав, становятся умными и толковыми, с тоской оглядываясь назад и тяжело вздыхая.

А пути назад в детство уже нет!

Для всех... кроме меня. Что это, мой приз или мое наказание? Хочется думать, что первое. По крайней мере, по сиюминутным ощущениям – я счастлив. В данную секунду. И в следующую...

Но стоит задуматься на долгие годы вперед – вновь становится страшно. Почему-то кажется, что главным моим мучителем и палачом окажется скука. Безысходность всеведения. Тупик всезнайства. Замкнутый фатальный круг. Ни ответа, ни привета. Может, поэтому меня постоянно тянет на рожон?

Вот как сейчас, например.

Толстая, неопрятная тетка в милицейской форме неприязненно разглядывает меня из-под тяжелых, набухших век. Мятая голубая рубашка с потемневшим около шеи воротником, засаленный галстук, ломаные погоны старшего лейтенанта на оплывших жирных плечах. На толстенных ногах – некогда лакированные ботинки общевойскового артикула, которыми тетка нетерпеливо елозит под столом.

– Ну?

«Баранки гну!» – хочется ответить, но говорю другое:

– Родька ни при чем.

Когда я узнал, что Родиона из компании Юрася прямо из школы повели в опорный пункт за поджог сараев, долго не думал. Просто развернулся на входе и помчался в милицию. Благо тут рысью пять минут ходу.

– Ну?

– Это не Родька поджег. Это я поджег. Вернее, не я. «Свистулей» попал. Случайно. Простите, тетенька...

Старательно имитирую тупого первоклашку, готового вот-вот расплакаться. У Родиона отец – военный летчик. Служит в Любимовке на военном аэродроме. Не нужны ему заморочки с милицией. А мне, интуитивно чувствую, эта ситуация пригодится.

Родька сидит тут же, в кабинете, и делает мне «страшные» глаза. Ага, значит, Трюху он уже успел сдать. Тогда – план «Б».

– И вообще я только фольгу принес. А обмотал мальчик. И поджигал мальчик. У меня даже спичек нет. Вот посмотрите.

– Подожди, подожди. Какой мальчик? Трюханов?

– Я его не знаю, тетенька. Он к нам во двор пришел. Я его вообще раньше никогда не видел. А Родьку видел. Это не он...

– Заткнись!

Ничего себе! Общение с младенцами. Стою, хлюпаю носом. Тетка что-то напряженно соображает, теперь неприязненно рассматривая Родиона.

Вообще, первым порывом у меня была идея всех «застроить» через кагэбэшные связи. Даже открыл было рот у дежурного, чтобы назвать код и пароль. Но что-то остановило. Решил поиграть своими силами, благо железный козырь в рукаве все равно остается. А теперь чувствую – как правильно я сделал, что не раскрылся.

Не нравилась мне эта ситуация.

Что-то было в ней неправильно. Что – не могу понять. Но кожей чувствую.

– Фамилия.

– Моя?

– Твоя, твоя! Как твоя фамилия!

– К-караваев. Витя Караваев.

– Адрес.

– С-сафронова.

– Что Сафронова? Дом какой, квартира?

– Дом пять. Квартира семь. Второй этаж. Комнаты справа и... справа. Слева бабушка живет. Только как ее зовут, я не пом...

– Да заткнись ты уже! Кхм... Помолчи, мальчик!

Тетка, тяжело пыхтя, встала, потянувшись достала какую-то папку с сейфа и, усевшись, стала что-то писать.

Я незаметно подмигнул Родьке. Вид у него был пришибленным. Здорово перепугался парень. Прессовала она его, что ли? Что же тут не так?

Я украдкой глянул на часы, висевшие на стене справа от тетки. До контакта с Сатурном оставалось тридцать три минуты. Предполагая, что зависнем мы здесь надолго, я как на уроке поднял руку:

– Можно, тетенька?

– Чего?

– Я с мамой пришел. Она на улице ждет. Можно я ее позову?

– Чего же ты... Ну, давай... Давай-давай, зови.

Я выскочил из опорного пункта и со всех ног помчался к телефону-автомату за углом. Набрал первый номер из списка. Сработало без «двушки», как я и предполагал.

– Слушаю.

– Это Старик. Для Сатурна – контакт отбой.

– Принял.

Повесил трубку.

Побежал обратно врать, что мама ушла, не дождавшись...

Зловредная тетка продержала нас до обеда.

Потом вручила повестки для родителей и отправила восвояси. В школу мы, разумеется, не пошли. Вернее, пошли, но не в здание, а на пустырь за правым крылом.

Я взял у Родьки повестку. Так. Ага! Тетка, оказывается, его отца вызвала. Пронникова Анатолия Игоревича. А вот у меня – мать. Вот же зараза! Ну почему такая несправедливость?

Реально с батей было бы проще. Он ментов как-то недолюбливает. В отличие от матери, искренне и беззаветно считающей их нашими надежными защитниками. И опорниками.

Помню, даже читать она меня учила по «Дяде Степе» Михалкова. «Лихо мерили шаги две огромные ноги...» Брр. Фильм ужасов...

– Не говори пацанам, что раскололись насчет Трюхи, – сказал я Родьке, сидя на деревянном ящике и царапая веткой в пыли, – скажешь, «лепили горбатого», ничего не видели, ничего не знаем.

Родька глянул на меня с надеждой. Ему было очень стыдно. И страшно.

– Она сразу орать начала. Сказала, на учет поставит. Отца накажут. – Он еле заметно всхлипнул, несмотря на свои солидные десять лет. – А у бати и так на службе... Проверки, комиссии... Приходит ночью... В воскресенье тоже...

Вот!

Я понял, что мне показалось странным. Чего тупил так долго?

– Слушай, Родька, а кто в тот вечер Трюху у вас во дворе видел? Ты?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.